

Константин Дорожкин

КОГДА РЕАЛЬНОСТЬ ТРЕСКАЕТСЯ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ

Константин Дорожкин

Когда реальность трескается

<https://litres.ru/74390543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей Воронцов никогда не верил в параллельные миры. Пока однажды вечером, выйдя из обычного вагона московского метро, не обнаружил реальность, в которой Москва опережает его мир на десятилетия.

Там он встречает Миру — девушку, которую будто знает всю жизнь, хотя видит впервые. Между ними возникает чувство, способное нарушить границу между мирами. Но чем глубже Алексей погружается в загадку, тем страшнее становится правда: существуют десятки версий его самого и Миры, проживших другие жизни, принявших другие решения и заплативших за них высокую цену.

Теперь Алексею предстоит узнать, кто управляет фракталом реальности, почему их встреча повторяется снова и снова и какую роль в этой истории играет он сам.

Чтобы сохранить любовь, ему придётся бросить вызов не только другим мирам, но и собственной судьбе.

Потому что иногда реальность трескается не тогда, когда рушится мир.

А тогда, когда человек решается выбрать свою жизнь.

Содержание

Глава 1. Вагон, которого не было	5
Глава 2. Человек из отражения	16
Глава 3. Три секунды тишины	27
Глава 4. Ошибка в фотографии	43
Глава 5. Девушка на другой стороне	57
Глава 6. Соприкосновение	73
Глава 7. Мир, который опоздал на сорок лет	91
Глава 8. Мира	109
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Константин Дорожкин

Когда реальность

трескается

КОГДА РЕАЛЬНОСТЬ ТРЕСКАЕТСЯ

Роман

Константин Дорожкин

Глава 1. Вагон, которого не было

В тот вечер Москва шла дождём. Не ливнем — обычным августовским дождём, из тех, какими город привычно поливает людей, решивших с утра, что зонт им сегодня точно не понадобится. Алексей Воронцов решил именно так.

Теперь он стоял под козырьком у входа в метро, прижимая ладонью капюшон тонкой куртки — ткань уже пропиталась и липла к затылку холодным компрессом, — и смотрел, как вода стекает по гранитным ступеням, унося вниз песок, окурки и жидкие серые отражения фонарей. Пахло мокрым асфальтом, соляровкой и почему-то — сладковато, тошнотворно — цветами из ларька за углом. Телефон показывал 22:47. Алексей вздохнул, и вздох получился длинным, как рабочий день.

— Прекрасно.

Он поднял голову к небу, будто оно могло услышать и устыдиться. Небо не ответило. Оно висело низко, подсвеченное городом изнутри — грязно-оранжевое, беззвёздное, похожее на потолок огромного зала, где давно перегорела половина ламп.

Москва вокруг жила своей привычной вечерней жизнью, неаккуратной и тёплой. Кто-то спешил домой, вжав голову в плечи. Кто-то говорил по телефону с человеком, которому месяц назад клялся больше никогда не звонить. Девуш-

ка возле киоска смеялась в трубку — смех у неё был короткий, вспыхивающий, как спичка. Курьер на электровелосипеде беззвучно вылетел из-за угла и едва не срезал мужчину с пакетом продуктов; из пакета выкатилось яблоко и покати­лось к решётке водостока. Ничего необычного.

Всё было настолько обычным, что Алексей так и не заметил ту самую секунду, когда его собственная жизнь впервые сдвинулась с оси. Он спустился в метро. Тёплый подземный воздух ударил в лицо — пыль, нагретый металл, чужие духи, слабый запах тормозных колодок. Эскалатор нёс его вниз медленно и равнодушно, и мокрая куртка начала неприятно остывать на спине. На платформе было неожиданно пусто.

Пятеро, может, семеро человек на весь мраморный зал. Гулкое эхо ловило каждый шаг и возвращало с задержкой, будто кто-то повторял шаги следом. Алексей бросил взгляд на электронное табло. 22:51. Поезд через 2 минуты. Он встал у колонны, ощущая спиной прохладный камень, и достал телефон. Одно новое уведомление. Не сообщение. Как-кая-то системная ошибка. Синхронизация времени невозможна. Алексей нахмурился. Строчка выглядела чересчур ровной, чересчур спокойной для ошибки.

Через секунду уведомление исчезло — не свернулось, не ушло в шторку, а просто перестало быть, как будто его стёрли пальцем с запотевшего стекла. Он усмехнулся.

— Ну конечно.

Последние несколько месяцев телефон периодически чу-

дил. После очередного обновления приложения начали самопроизвольно закрываться, батарея садилась к вечеру наполовину, а иногда часы отставали на несколько минут — ровно настолько, чтобы Алексей опоздал и потом не смог никому этого объяснить. Он давно собирался купить новый. Но, как обычно, откладывал.

Из тоннеля потянуло сквозняком — влажным, пыльным, пахнущим железом. Поезд прибыл почти бесшумно. Слишком бесшумно для старого состава: ни визга колодок, ни привычного натужного стона на подходе к платформе. Двери разъехались с мягким пневматическим выдохом. Алексей вошёл в третий вагон. Внутри было человек двадцать. Свет — ровный, желтоватый, чуть подрагивающий на стыках, — делал лица восковыми. Пахло мокрой одеждой и разогретой электрикой.

Он сразу заметил свободное место у окна и сел; пластик сиденья был тёплым от чужого тела. Напротив стояла женщина лет сорока с бумажным пакетом, из которого торчал длинный батон и хвост зелёного лука. Рядом с ней мальчик лет десяти смотрел видео без наушников — жестяные голоса из динамика прыгали по вагону, и никто не делал замечаний. Через несколько секунд поезд тронулся, мягко надавив Алексею на плечи. Он посмотрел в окно. Тёмный тоннель. Редкие лампы, размазанные скоростью в жёлтые штрихи.

Серые стены, кабели, пятна извести. Ничего интересного. Он достал наушники, включил музыку — что-то медлен-

ное, с низким гулким басом — и откинулся на спинку, чувствуя, как вибрация состава проходит сквозь позвоночник. Первый перегон. Второй. Третий. Потом поезд резко замедлился — не затормозил, а именно замедлился, будто кто-то потянул рычаг в вязком масле. Алексей открыл глаза. Музыка в наушниках оборвалась. Не поставилась на паузу — оборвалась, на середине такта, оставив после себя пустое, ватное шипение.

Он посмотрел на экран. Телефон показывал:
23:03.

Снаружи стояла полная темнота. Ни ламп. Ни кабелей. Ни отблесков на стенах. Только чернота, плотная, как залитый краской лист. И что-то было не так. Поезд ехал слишком долго. Перегон давно должен был кончиться. Алексей вынул наушники. Состав продолжал двигаться — ровно, без стуков, без покачивания. Только теперь в вагоне стало необычно тихо. Очень тихо. Так тихо, что он услышал собственный пульс — глухие толчки где-то под челюстью. Он поднял голову.

Мальчик напротив перестал смотреть видео. Экран в его руках светил, но картинка стояла: замерший на полудвижении человек, застывшая полоска прогресса. Женщина с пакетом застыла, не донеся руку до поручня. Алексей обвёл взглядом вагон. Никто не двигался. Никто не разговаривал. Никто не дышал — он понял это с опозданием, и от этого понимания в горле стало сухо. Ни одна грудная клетка не поднималась. Даже экран рекламы над дверью замер на од-

ном кадре, и в углу кадра дрожала одна-единственная пиксельная точка.

Алексей медленно встал. Колени слушались плохо.

— Эй...

Голос вышел чужим, слишком громким и одновременно каким-то плоским, будто вагон проглотил половину звука. Никто не ответил. Он посмотрел на мужчину справа. Тот сидел с телефоном в руке. На экране было открыто сообщение — недописанное, с мигающим... нет, не мигающим. Курсор тоже стоял. Палец мужчины завис над кнопкой отправки. Не просто завис. Он словно был вмурован в воздух — так стоит муха в янтаре, за миг до того, как ей стало всё равно.

Алексей провёл ладонью перед его лицом. Кожа мужчины была близко, и от неё не шло тепла. Никакой реакции. Даже зрачки не дрогнули. Вагон продолжал двигаться. Но людей в нём больше не было. Были только фигуры — двадцать безупречно точных копий людей, оставленных здесь кем-то, кто вышел покурить. Алексей почувствовал, как по спине, между лопаток, вниз, к пояснице, потёк холод — медленно, как капля дождевой воды из-под капюшона. Он отступил назад, к центру прохода. И тогда увидел своё отражение в окне.

Сначала всё выглядело нормально. Тёмное стекло. Бледное, вытянутое лицо. Мокрый капюшон. Но отражение смотрело не на него. Оно смотрело куда-то ему за спину. Пристально. Спокойно. Алексей медленно обернулся, чувствуя, как немеет шея. Никого. Он снова посмотрел в окно. Отра-

жение по-прежнему не двигалось. Он поднял руку — медленно, как поднимают руку перед зеркалом, когда очень хотят убедиться. Отражение не подняло. Алексей замер, и весь воздух в лёгких вдруг стал лишним.

— Нет...

Отражение улыбнулось. Совсем чуть-чуть. Уголками губ. Так улыбаются человеку, который наконец-то заметил что-то, стоявшее у него перед глазами годами. И тихо произнесло — губы двигались, а звук пришёл откуда-то изнутри, из-под черепа:

— Не выходи на следующей.

Алексей отшатнулся, налетев спиной на поручень. В этот момент вагон погрузился во тьму. Полную. Абсолютную. Таковую, в которой пропадает даже ощущение собственного тела. На секунду ему показалось, что поезд остановился — исчезло всё: вибрация, движение, направление. Но потом он услышал звук. Не тормоза. Не колёса. Не метро. Что-то похожее на глубокий металлический гул — низкий, ниже слышимого, идущий не в уши, а в кости, в зубы, в грудную клетку. Будто за стеной тоннеля просыпалась машина размером с город.

Гул нарастал, наливался, и от него мелко зазвенело стекло. А потом произошло то, чего Алексей никогда не смог бы описать нормальными словами. Мир моргнул. Именно так. Не свет. Не лампы. Мир. На долю секунды Алексей увидел два вагона одновременно — наложенных друг на друга, как

два кадра плёнки, засвеченных в одном окне. Тот, в котором находился он. И другой. Такой же. Но совершенно другой.

Вместо рекламных наклеек на стенах — прозрачные панели, по которым текли бледно-голубые строки. Вместо продавленных сидений — светлая цельная конструкция из материала, которого Алексей не узнавал: не пластик, не металл, что-то матовое, тёплое на вид. Свет там был другим — ровным, белым, без единой тени под подбородками. Люди. Много людей — вдвое больше, чем в его вагоне. Живые, движущиеся, разговаривающие. И среди них — девушка. Она стояла у двери. Тёмные волосы, собранные небрежно. Светлое пальто.

Очень бледное лицо — бледное так, как бывает у человека, который слишком долго чего-то ждал. И она смотрела прямо на Алексея. Не на его отражение. Не сквозь стекло. На него. Их глаза встретились, и в груди у него что-то оборвалось — коротко, болезненно, будто узнавание опередило память на целую жизнь. Девушка резко изменилась в лице. Спокойствие слетело с него мгновенно, как сорванная ветром афиша. Она шагнула к окну, расталкивая кого-то плечом.

Что-то сказала — быстро, отчаянно, он видел, как двигаются губы, как вздрагивает горло. Алексей не услышал ни звука. Он бросился к стеклу, ударившись бедром об угол сиденья и не почувствовав этого.

— Эй!

Девушка ударила ладонью по стеклу с той стороны — он видел, как побелели её пальцы. Алексей сделал то же самое. Стекло под рукой не дрогнуло. Оно было ледяным. Между ними было несколько сантиметров. И невозможность длинной в целую Вселенную. Она снова закричала — беззвучно, отчаянно, и в её глазах было не удивление. Было узнавание. А потом всё исчезло. Свет вернулся — резко, обыденно, по-больничному жёлтый. Люди снова задвигались. Мальчик продолжил смотреть видео, и жестяные голоса опять запрыгали по вагону.

Женщина поправила пакет; батон качнулся. Мужчина отправил сообщение — телефон коротко пикнул. Музыка в наушниках, оставшихся висеть на груди, снова заиграла с того же такта. Поезд шёл как ни в чём не бывало, постукивая на стыках. Алексей стоял посреди вагона с прижатой к стеклу ладонью, и сердце колотилось где-то в горле. Никто не обращал на него внимания. Ни один человек. Он посмотрел на телефон.

23:04.

Прошла всего одна минута. Алексей тяжело дышал, чувствуя, как влажная футболка липнет к спине. Он оглядел вагон. Всё было нормально. Оскорбительно, издевательски нормально. Он снова подошёл к окну. Обычное отражение — бледный человек с растрёпанными мокрыми волосами и слишком широко раскрытыми глазами. Теперь оно повторяло каждое его движение, послушно, как положено. Алексей

провёл пальцами по стеклу. Холодное. Настоящее. Он попытался убедить себя, что просто устал. Что задремал под музыку.

Что видел сон, из тех, что случаются в дороге, когда сознание проваливается на полминуты и успевает построить целый мир. Что угодно. Только бы не признавать очевидное: ладонь всё ещё помнила чужой удар по ту сторону стекла. Поезд начал замедляться. Включилось объявление.

— Следующая станция...

Обычный голос. Обычные слова. Алексей поднялся, машинально одёрнул куртку, приготовился выйти. И вдруг замер. Он посмотрел на табло над дверью. Название станции было ему знакомо. Он выходил здесь тысячу раз. Но написано оно было неправильно. Всего одна буква. Одна маленькая буква, чужая, стоящая не на своём месте, — и всё слово стало похоже на имя человека, которого ты знал, но который назвался иначе. От этой буквы по коже прошёл холод, мелкий и колючий.

Алексей достал телефон и сфотографировал табло. Пальцы плохо слушались, кадр вышел смазанным. В этот момент двери открылись. Люди вышли. Он тоже сделал шаг на платформу. И остановился. Станция выглядела почти привычно. Почти. Плитка была другой — не бежевая в крапинку, а холодная, серо-зелёная, с более крупным швом. Линия освещения шла не по центру свода, а двумя полосами вдоль стен, и от этого потолок казался ниже, тяжелее.

На противоположной стене висела реклама, которой он никогда не видел, — и это было бы ерундой, если бы он не ездил этим маршрутом четыре года подряд. Но самое странное было даже не это. На огромном экране в конце зала рекламировалась какая-то медицинская система. Изображение было слишком чистым, слишком глубоким для рекламного щита — казалось, в стену вставили окно. «Восстановление утраченных воспоминаний.

Память можно вернуть.» Алексей уставился на экран. Где-то за спиной шумела вентиляция, ровно и безучастно.

Внизу мелкими буквами: Лицензия на технологию: 2048 год. Он несколько секунд просто смотрел, беззвучно шевеля губами. Потом рассмеялся. Нервно. Коротко. Почти испуганно — и смех отскочил от свода и вернулся к нему чужим.

— Очень смешно.

Он поднял телефон и сделал снимок. Потом посмотрел на него. На фотографии была обычная рекламная поверхность. Никакого текста про 2048 год. Никакой рекламы. Только пустой чёрный экран — гладкий и мёртвый, как выключенный монитор. Алексей медленно опустил телефон. Поднял глаза. Надпись всё ещё горела на стене, спокойная, уверенная в себе. В этот момент за его спиной закрылись двери поезда. Он обернулся. Вагон тронулся, набирая ход.

Но прежде чем состав ушёл в тоннель, девушка из другого

мира снова появилась в окне — не отражением, не тенью, а полностью, во весь рост, наложенная на скользящую мимо реальность. Та самая. Светлое пальто. Тёмные волосы. Ладонь на стекле. Она смотрела на него, и хвост поезда уносил её всё быстрее. И на этот раз Алексей услышал её голос. Со всем тихо. Будто прямо внутри головы, между висками:

— Алексей...

Он застыл. Имя прозвучало так, как его произносят люди, знающие тебя очень давно. Поезд исчез в тоннеле. Гул стих. Ветер из чёрного зева толкнул его в грудь и опал. На платформе остались только он, двое запоздалых пассажиров у дальней колонны и ровный, бесконечный шум вентиляции. Алексей посмотрел на телефон. Новое уведомление. Без номера. Без имени. Просто текст:

НЕ ИЩИ МИРУ.

Он прочитал сообщение ещё раз, медленно, буква за буквой. И только потом понял главное. Он никогда раньше не слышал имени этой девушки. Но теперь знал его. Мира. И где-то глубоко внутри, под слоями усталости, дождя и здравого смысла, уже понимал: эта встреча была не первой.

Глава 2. Человек из отражения

Алексей не помнил, как вышел из метро. Позже, много раз, он пытался восстановить последовательность событий — прокручивал ту ночь заново, как плёнку, — и каждый раз упирался в одно и то же странное, вырезанное место. Последнее, что он помнил наверняка, — девушку за стеклом. Миру. После этого память рассыпалась на обрывки, не желавшие складываться. Лестница — гулкая, бесконечная. Двери, тяжело выдохнувшие ему в спину. Дождь на лице. Свет фар, размазанный по мокрому стеклу чужой машины. Чей-то голос — не разобрать чей.

И собственное дыхание, слишком громкое в ночной тишине, будто дышал не он, а кто-то, идущий следом. Он обнаружил себя на улице уже в начале двенадцатого — просто вдруг понял, что стоит, что дождь кончился и с козырька срываются последние тяжёлые капли. Москва выглядела нормально. Настолько нормально, что это пугало сильнее всего остального.

Мокрый асфальт отражал фонари двойными дрожащими полосами. Машины шуршали шинами по лужам. В окнах домов горел свет — где-то жёлтый, где-то синеватый от телевизоров. Далеко, в стороне Садового, провыла и стихла скорая. Обычный город. Обычная ночь. Алексей стоял под навесом у входа в метро и смотрел на телефон. Пальцы были

холодные, экран — тёплый. Сообщение всё ещё было там.

НЕ ИЩИ МИРУ.

Он нажал на него. Ничего. Нет номера. Нет времени отправки. Нет информации о приложении, нет иконки, нет привычной строчки «доставлено». Просто четыре слова, висящие в пустоте списка, как надпись на стене заброшенного дома. Он попробовал сделать скриншот. Экран на секунду мигнул — коротко, будто моргнул. Сообщение исчезло.

— Отлично, — пробормотал Алексей, и пар от дыхания растаял в холодном воздухе. — Просто отлично.

Он убрал телефон в карман и несколько секунд стоял неподвижно, слушая, как капает вода. Первой мыслью было обратиться к врачу. Второй — к психологу. Третьей не было. Потому что он уже понимал простую вещь: если рассказать кому-нибудь о том, что случилось в метро, — вслух, словами, глядя человеку в глаза, — то через две минуты он сам будет выглядеть тем, кому нужен психиатр. И, возможно, будет прав. Он пошёл домой.

Квартира встретила его темнотой и застоявшимся запахом вчерашнего кофе. Алексей не стал включать свет. Снял куртку, повесил на крючок; с рукава капнуло на паркет. Поставил телефон на зарядку. Открыл холодильник — узкая полоса белого света легла на пол, и в ней закружилась пыль. Достал бутылку воды. Всё происходило автоматически, руки жили отдельно. Он чувствовал себя человеком, который методично, предмет за предметом, доказывает самому себе, что

находится в реальном мире. Вода — холодная, ломит зубы.

Холодильник — гудит, как всегда, чуть надтреснуто. Кухонный стол — липкое пятно у края, он всё собирался его оттереть. Старый выцветший магнит на дверце, привезённый из Суздаля. Стопка квитанций. Чайник с известковым налётом. Всё знакомое. Всё на своих местах. Он сделал глоток. Потом ещё один. И только после этого заметил, что вода в бутылке дрожит мелкой рябью, — потому что дрожат руки. Алексей сел. Посмотрел на часы.

23:38.

Он пробыл под землёй меньше часа. А казалось — прошли сутки. Или чужая жизнь. Он взял телефон и открыл галерею. Первая фотография. Станция — смазанная, тёмная, чужая плитка. Вторая. Реклама — чёрный мёртвый прямоугольник. Третья... Алексей замер. На экране было его собственное лицо. Он помнил, что фотографировал табло. Только табло. Дважды. Но почему на снимке оказался он? Фотография была сделана в вагоне. Кто-то — или что-то — снимал его со стороны, метров с пяти. Алексей стоял возле окна, повернув голову к стеклу.

За его спиной виднелись пассажиры: мальчик с телефоном, женщина с пакетом. Снимок выглядел совершенно обычным. Вот только был один человек, которого он не помнил. Мужчина стоял в дальнем конце вагона. Высокий. В тёмном пальто, слишком тяжёлом для августа. Лицо почти полностью скрыто тенью — свет ламп обходил его стороной,

будто договорился. Алексей развёл пальцы на экране. Ещё. Ещё. Сердце ударило гулко, снизу вверх. Мужчина смотрел прямо в камеру.

Прямо на него — сквозь стекло, сквозь ночь, сквозь час, отделявший тот вагон от этой кухни. Алексей увеличил лицо. Изображение поплыло, распалось на квадраты. Но он всё равно увидел глаза. И узнал их. Не потому, что когда-либо встречал этого человека. А потому, что уже видел их этой ночью. В отражении. Мужчина на фотографии был... им. Алексей резко оттолкнул телефон по столу.

— Нет.

Он посидел секунду, зажмурившись. Потом всё-таки протянул аппарат обратно. Лицо мужчины было его лицом. Та же линия подбородка. Та же тонкая складка у левого глаза — она появилась года три назад и с тех пор не уходила. Та же родинка над бровью, чуть выше и правее, чем принято замечать. Но мужчина выглядел старше. Лет на десять. Виски выбелены. Взгляд — тяжёлый, спокойный, выставший. И смотрел он так, будто прекрасно знал, кто именно сейчас держит телефон, где сидит и в котором часу. Алексей вскочил, задев стул.

Фото увеличилось само — рывком, без его пальцев. Внизу экрана проступила новая строка.

СНИМОК СОЗДАН: 17.08.2036

В груди стало холодно и пусто, будто оттуда вынули воздух. Он перечитал дату. Сначала решил, что телефон снова

ошибся — как ошибался с часами, как ошибался всегда. Потом посмотрел на системную дату в углу. 16 августа 2026 года. Он медленно опустился обратно на стул. Десять лет. Ровно десять лет и один день. Изображение на экране дрогнуло — едва заметно, как отражение в воде, которой коснулись пальцем. Мужчина на фотографии повернул голову. Алексей перестал дышать. Нет. Такого быть не могло.

Это была фотография. Плоская. Мёртвая. Набор пикселей. Фотография не может двигаться. Но мужчина на экране медленно, очень спокойно поднял руку. И приложил палец к губам. Тише. После этого изображение снова застыло — так же неподвижно и невинно, как минуту назад. Алексей не дышал. Он заблокировал телефон. Положил его на стол экраном вниз. Отступил на шаг. Потом ещё на один, пока не упёрся поясницей в край раковины.

— Я этого не видел.

Он произнёс слова вслух, громко, в темноту кухни. Будто собственный голос мог вернуть мир в исходное положение.

— Я. Этого. Не видел.

Телефон завибрировал. Алексей вздрогнул всем телом. Экран вспыхнул, осветив снизу край стола. Входящее сообщение. На этот раз номер был. Почти. +7 900 000-0000 Текст: Ты уже видел меня. Алексей смотрел на экран, не приближаясь. Через несколько секунд пришло второе. Просто пока не помнишь где. Третье. И не пытайся вспоминать. Он не успел дочитать последнее. Телефон погас. Не экран. Полностью —

как будто из него разом вынули не батарею, а самую возможность работать.

Он не включался. Ни от кнопки, ни от зарядки. Чёрное стекло отражало только кухонное окно и человека, стоящего посреди собственной квартиры.

В 02:13 Алексей всё-таки уснул — сидя, потом кое-как перебравшись на кровать, не раздеваясь. Ему приснился коридор. Очень длинный. Белый. Без единой двери. Он шёл по нему босиком, и пол был тёплым, как нагретый солнцем камень. Потолок находился слишком высоко — там, где у нормальных зданий уже начинается небо. Ламп не было. Но пространство заливал мягкий серый свет, идущий отовсюду и ниоткуда. В конце коридора стояла Мира. Она была одна. Без пальто. В простой светлой одежде. Тоже босиком. Она не двигалась.

Только смотрела — долго, не мигая, будто боялась, что он исчезнет. Алексей шёл к ней. И чем ближе подходил, тем сильнее становился шум. Сначала тихий, на грани слуха. Потом громче. Похожий на ветер в проводах. Нет. На голоса. Множество голосов — сотни, тысячи, наслаивающихся друг на друга. Они говорили одно и то же. Не этот. Не этот. Не этот. Голоса давили на виски, и воздух стал вязким, как вода. Алексей остановился в нескольких шагах.

— Мира?

Она подняла глаза, и он увидел, что они блестят.

— Не подходи.

— Почему?

— Потому что тогда ты вспомнишь.

— Что вспомню?

Мира заплакала — беззвучно, не отводя взгляда, и от этого стало страшнее, чем от голосов. И в этот момент Алексей заметил, что за её спиной стоит человек. Тот самый мужчина. Его повзрослевшая версия. Он появился без движения, без шага — просто был там, где секунду назад была только белая пустота. Мужчина положил руку Мире на плечо. Мягко. По-хозяйски. Алексей сделал шаг назад.

— Кто ты?

Мужчина посмотрел прямо на него — тем же выстывшим взглядом. И ответил ровно, почти устало:

— Это не я должен тебе объяснять.

Он поднял руку и указал куда-то за спину Алексея. Алексей обернулся. Коридор исчез. Вместо него была Москва. Но другая. Небоскрёбы — тонкие, невозможной высоты, уходящие в облака иглами. Воздушные трассы, размеченные бегущими огнями. Светящиеся мосты, перекинутые там, где никаких мостов быть не могло. Над городом висели огромные конструкции, похожие на кольца, — они медленно вращались, и от них шёл тот самый низкий металлический гул, который он слышал в тоннеле.

Десятки световых точек скользили между ними, как искры в дымоходе. А потом Алексей увидел Москву-реку. Она была замёрзшей. В августе. Лёд — мутный, зеленоватый, в

белых трещинах. На льду стояли люди. Много людей. Сотни. Тысячи. Никто не двигался. Все смотрели вверх. А в небе медленно открывалась огромная чёрная трещина — не туча, не разлом облаков. Именно трещина. В самом небе. И края её шевелились. Мира оказалась рядом — он не слышал, как она подошла.

— Нам пора, — сказала она.

— Куда?

Она посмотрела на него, и в её глазах отражалась чернота сверху.

— В твой мир.

Алексей проснулся.

Он сел на кровати рывком, будто вынырнул. Сердце колотилось так, что отдавало в уши. Комната была тёмной. Сквозь щель между шторами пробивался серый утренний свет, ровный и безжизненный.

6:41.

Несколько секунд Алексей просто сидел, слушая себя. Потом понял, что что-то сжимает в руке. Телефон. Тот самый, который вчера умер окончательно. Экран был включён. Он поднёс его к глазам. На экране была фотография. Та самая. Москва будущего. Замёрзшая река. Трещина в небе. Алексей медленно, боясь спугнуть, развёл пальцы. На первом плане стоял человек. Он. Но теперь Алексей увидел кое-что ещё. Рядом с ним стояла Мира. Она смотрела не на небо, не на трещину. На него. А ниже фотографии светилась дата. 17

августа 2036 года. Алексей замер.

Завтра. Он посмотрел на календарь. Сегодня было 16 августа 2026 года. Десять лет и один день. Он пролистал дальше. На следующем снимке была та же площадь, тот же лёд. Но людей стало меньше. На следующем — ещё меньше; фигуры редели, как выгорающие точки. Потом — пустая улица, снег, перевёрнутая скамья. На пятом — разрушенное здание, вскрытое пополам, с торчащими рёбрами арматуры. На шестом — просто чёрная поверхность, гладкая, похожая на стекло. Или на воду, которая перестала быть водой. А на седьмом... Мира.

Совсем близко. Лицом к камере, будто снимал кто-то, стоявший на расстоянии вытянутой руки. Она держала в руках фотографию. На фотографии был Алексей. И внизу — короткая надпись, от руки, чуть криво: ЕСЛИ ОН ПРИШЁЛ, ЗНАЧИТ, МЫ ПРОИГРАЛИ. Внутри всё сжалось в тугий холодный узел. Он хотел закрыть галерею. Палец уже пошёл к краю экрана — и остановился. Потому что в правом верхнем углу снимка было отражение. Что-то стеклянное за спиной Мира. И в нём — лицо. Алексей увеличил. И увидел себя. Не сегодняшнего. Другого.

Того самого, кто стоял в конце вагона в тёмном пальто. Только теперь он улыбался. Спокойно. Почти ласково. Алексей приблизил изображение ещё сильнее, до самого предела, до крупной пиксельной каши. И разглядел у своего двойника на шее тонкий тёмный след. Как шрам. Точно такой же, ка-

кой был у него самого. Алексей машинально коснулся шеи, у основания, слева. Кожа была горячей. Ощутимо, неправильно горячей — как под пластырем. Он вскочил с кровати и подбежал к зеркалу в прихожей, чуть не сбив тумбу.

На первый взгляд всё было нормально. Помятое лицо, тени под глазами, вчерашняя футболка. Только у основания шеи действительно проступала тонкая красная линия. Будто кто-то провёл по коже острым ногтем — недавно, аккуратно, ровно. Он дотронулся до неё. И в ту же секунду услышал голос. Совсем рядом. Не в комнате. За стеклом зеркала.

— Алексей.

Он отшатнулся, ударившись плечом о косяк. Зеркало было пустым — только он, только прихожая. Но через секунду в отражении что-то изменилось. Комната осталась прежней. Он остался прежним. Только за его спиной теперь стояла Мира. Алексей резко обернулся. Никого. Пустой коридор, вешалка, мокрая куртка. Он снова посмотрел в зеркало. Мира всё ещё была там. Совсем близко, в шаге от его плеча. Она дышала — он видел, как поднимается грудь.

Она подняла руку и написала пальцем на внутренней поверхности стекла — с той стороны, справа налево, чтобы он смог прочесть, — два слова:

НЕ ДОВЕРЯЙ МНЕ.

Буквы проступили на стекле, как на запотевшем окне. А потом она исчезла. И буквы вместе с ней. Алексей стоял перед зеркалом, не в силах пошевелиться, и слушал, как в гор-

ле бьётся пульс. Телефон на кровати завибрировал. Звук в пустой квартире показался оглушительным. На этот раз пришло одно-единственное сообщение. С неизвестного номера. **СЕГОДНЯ В 23:17 НЕ САДИСЬ В ТРЕТИЙ ВАГОН.** Алексей перечитал его дважды. И только потом заметил подпись. Внизу, маленькими буквами, стояло: Мира. Он посмотрел на часы.

06:47.

До 23:17 оставалось чуть больше шестнадцати часов. Алексей ещё не знал, что к этому времени будет уже поздно. Потому что поезд, в который он не должен был сесть, уже ехал. И в нём его ждала девушка, которую он никогда раньше не встречал. И человек, которым Алексей однажды станет.

Глава 3. Три секунды тишины

Весь день Алексей прожил так, будто внутри него работал второй, невидимый человек. Этот второй ничего не делал и ни о чём не просил. Он просто время от времени наклонялся к уху и напоминал:

23:17.

Алексей пытался заниматься обычными делами. Заварил кофе — и забыл о нём, обнаружив полчаса спустя остывшую чашку с бурой плёнкой на поверхности. Принял душ, слишком горячий, до красных пятен на плечах, будто пытался смыть с себя вчерашнюю ночь вместе с кожей. Позвонил на работу и сказал, что сегодня поработает из дома. Голос звучал чужим — ровным, вежливым, абсолютно нормальным. Он даже удивился, как легко это вышло. Открыл ноутбук.

Несколько минут смотрел на таблицу, которую должен был закончить ещё вчера. Курсор мигал в пустой ячейке — раз, два, раз, два, — и от этого мигания начинало ломить в затылке. Потом он закрыл ноутбук. В 09:32 Алексей решил, что всё произошедшее можно объяснить. Переутомление. Недосып. Сильный, накопленный за месяцы стресс. Гипнагогические галлюцинации — красивое слово, он читал о них когда-то, лёжа без сна. Сбой прошивки. Дешёвая камера, шумы матрицы, артефакты сжатия.

Мозг обожает связывать несвязанное — он вообще создан

для того, чтобы находить лица в облаках и умысел в случайности. Это Алексей знал твёрдо. Он вообще всегда доверял рациональным объяснениям. Они были удобные, тёплые и держались, как перила. Проблема была только в одном. Рациональное объяснение не объясняло сообщения, которое пришло утром. **СЕГОДНЯ В 23:17 НЕ САДИСЬ В ТРЕТИЙ ВАГОН.** Он перечитал его ещё раз, медленно, будто надеясь, что от чтения буквы устанут и осыплются. Потом удалил.

Через минуту сообщение появилось снова. Тот же номер. Та же подпись внизу. Алексей выругался — коротко, сквозь зубы. Удалил ещё раз, вытер список чата целиком. Оно вернулось. Спокойно, без вспышки, будто и не уходило. Тогда он выключил телефон совсем, дождавшись, пока погаснет последняя полоска. Через пять минут включил снова, глядя, как медленно наливается логотип. Сообщение исчезло. Алексей усмехнулся — с облегчением, которого сам от себя не ожидал.

— Вот и всё.

Он положил телефон экраном вниз. И в этот момент раздался звонок в дверь.

На площадке никого не было. Он высунулся, глянул вниз, в пролёт, — только серые ступени, перила и запах хлорки после утренней уборки. Ни шагов. Ни хлопнувшей двери внизу. Алексей опустил взгляд. Перед его дверью лежал небольшой конверт. Без адреса. Без марки. Без единой пометки на лицевой стороне. Он поднял его. Конверт был сухим — со-

вершенно, идеально сухим, хотя пол на площадке ещё темнел от мокрой тряпки, а с улицы тянуло сырым воздухом. На обратной стороне была написана одна цифра. Синими чернилами, твёрдой рукой:

3.

Алексей вскрыл клапан ногтем. Внутри лежала фотография. Старый снимок, на плотной бумаге, с чуть обтрёпанным углом и характерной желтизной по краю. На нём был изображён тот же самый вагон метро. Только пустой. Абсолютно. Ни одного человека, ни одной сумки на сиденье — и свет в нём почему-то казался холоднее, чем бывает. Алексей перевернул карточку. На обороте от руки, тем же почерком: Не садись в третий. Он закрыл глаза и медленно выдохнул.

— Серьёзно?

Снизу донёсся голос соседки:

— Алексей?

Он обернулся. На лестнице стояла Валентина Сергеевна с мусорным пакетом в руке, в халате и наспех наброшенной кофте. Она посмотрела на фотографию в его руке — коротко, но внимательно.

— Что это?

— Ничего.

— Вы сегодня какой-то бледный.

— Плохо спал.

Соседка кивнула — понимающе, как кивают все соседи на свете. Уже развернувшись к лестнице, она вдруг остано-

вилась.

— Кстати...

— Да?

Она обернулась и посмотрела на него с каким-то странным выражением — не с подозрением. С осторожностью.

— Я ночью слышала, как вы с кем-то разговаривали.

Внутри у Алексея стало холодно и пусто.

— Я был один.

— Вот и я удивилась. — Она поправила пакет. — Стенка-то тонкая, я всё слышу. Голос вроде ваш... и не ваш.

— Показалось, наверное.

— Наверное. — Она улыбнулась, решив, что действительно ошиблась, и это было хуже всего. — Мне показалось, что у вас была девушка.

После этого она пошла вниз, шаркая тапками. Алексей ещё долго стоял на площадке, слушая, как затихают её шаги, и сжимая в пальцах сухую фотографию.

В 14:10 он решил проверить всё сам. Взял куртку. Сунул фотографию во внутренний карман — она легла к сердцу, жёсткая, как пластина. И отправился на станцию. Днём здесь было совсем иначе. Люди, много людей. Громкие разговоры, чей-то смех у турникетов, музыка из динамиков торгового ряда. Запах кофе из стеклянной будки, запах свежей выпечки, запах метро — тёплой пыли, резины и электричества. Обычная жизнь, шумная и плотная. При свете дня вчерашнее казалось смешным. Алексей спустился на платфор-

му. Посмотрел на табло.

Следующий поезд — 2 минуты. Он специально выбрал ту самую станцию, где всё началось. Раз проверять — так до конца. Из тоннеля потянуло, загудело, и подошёл состав. Двери разъехались, выпустив волну людей. Алексей внимательно смотрел на вагоны, считая. Первый. Второй. Третий. Он замер. На стекле третьего вагона, у самой кромки двери, мелким белым маркером была выведена цифра.

3.

Алексей подошёл ближе, чувствуя, как отяжелели ноги. Провёл пальцем по стеклу. Цифра исчезла — не смазалась, а именно исчезла, будто её и не рисовали. Он отдёргнул руку. На подушечке пальца осталась едва заметная серебристая пыль. Она не пахла ничем и не растиралась — просто была, мерцая при повороте кисти. Он заглянул внутрь вагона. Пусто. Ни одного человека. При том что соседние вагоны были набиты — люди стояли в проходах, кто-то не сумел войти и остался ждать следующего. Никто даже не взглянул в сторону третьего.

Двери закрылись. Поезд ушёл, унося в тоннель свой пустой, светящийся вагон. Алексей остался стоять, глядя вслед. И в ту же секунду на платформе погас свет. Всего на три секунды. Одна — темнота, полная, без единого аварийного огонька. Две — исчез шум. Все звуки, разом, как отрезало. Три — где-то очень далеко, под ногами, шевельнулся тот самый металлический гул. Свет включился. И на про-

тивоположной стороне платформы стояла Мира. Алексей не сразу понял, что это она. Та же фигура. Те же тёмные волосы, собранные небрежно.

Но сегодня на ней было длинное серое пальто, застёгнутое до горла, — слишком тёплое для августа. Она смотрела прямо на него. И ждала, пока он заметит. Алексей рванулся вдоль края платформы.

— Эй!

Мира развернулась. Пошла — не побежала, просто пошла, ровным шагом, вдоль края.

— Мира!

Она не остановилась. Даже не сбилась с шага. Алексей ускорился, лавируя между людьми, задевая плечи и сумки. И вдруг понял, что никто не оборачивается. Никто не морщится, не бросает вслед раздражённого взгляда. Люди вокруг двигались так, будто он был сквозняком. Мира свернула за колонну. Алексей побежал. Он выскочил с другой стороны — и остановился так резко, что подошвы скрипнули по мрамору. Пусто. Никакой Миры. Только рекламный экран, гоняющий по кругу ролик про банковский вклад.

И мужчина в костюме, уткнувшийся в новостную ленту. Алексей развернулся, обшаривая глазами платформу.

— Чёрт.

Ничего. Только шум поездов и гул толпы, вернувшийся так же внезапно, как исчез. И вдруг он почувствовал: кто-то стоит прямо за его спиной. Не услышал — почувствовал,

кожей, затылком, тем древним местом внутри черепа, которое всегда просыпается первым.

— Не надо было идти за мной.

Алексей резко обернулся. Мира стояла в двух шагах. Спокойная. Совершенно не запыхавшаяся.

— Ты...

— Тише. — Она едва шевельнула губами.

— Где ты была?

— В пяти метрах отсюда.

— Я тебя потерял.

— Нет.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и он впервые разглядел, какие они — серые, с тёмным ободком, очень усталые.

— Это ты потерял себя.

Алексей молчал, не находя, что ответить. Мира быстро оглянулась, скользнув взглядом по сводам, по камерам, по экрану.

— У нас мало времени.

— У кого «у нас»?

— У тебя.

— Что вообще происходит?

— Ты начал вспоминать.

— Я ничего не помню.

— Именно поэтому ты опасен.

Алексей нервно усмехнулся — смешок вышел сухим.

— Опасен? Для кого?

— Для всех.

Она повела подбородком в сторону платформы, в сторону людей.

— Сейчас они тебя не видят.

Алексей нахмурился.

— Что?

— Посмотри сам.

Мира указала на женщину, стоявшую в полутора метрах, с телефоном в руке. Алексей посмотрел на неё. Женщина смотрела прямо сквозь него — не мимо, а именно сквозь, фокусируя взгляд на рекламном щите за его спиной. Он шагнул и встал прямо перед ней, лицом к лицу. Никакой реакции. Ни моргания, ни раздражения, ни попытки обойти.

— Как...

— Три секунды.

— Что — три секунды?

— Каждый раз, когда реальность переключается, у тебя появляется примерно три секунды между состояниями. — Она говорила быстро, не отрывая взгляда от свода. — Иногда меньше. Иногда чуть больше. Это зависит не от тебя.

— Между какими состояниями?

— Между тем, что есть, и тем, что могло быть.

Алексей смотрел на неё.

— Ты говоришь так, будто это нормально.

— Для тебя скоро станет.

Он хотел ответить что-то злое, но краем глаза зацепил

экран рекламного щита. Ролик оборвался. На весь экран, в полный рост, — его собственное лицо. Фотография. Под ней надпись крупными буквами:

АЛЕКСЕЙ ВОРОНЦОВ.

Мира резко схватила его за руку — пальцы у неё были ледяные и очень сильные.

— Не смотри.

Слишком поздно. Изображение сменилось. Теперь там был другой Алексей. Старше. В форме, какой Алексей никогда в жизни не видел: тёмная, глухая, без знаков различия, с узкой чёрной планкой на груди. Под фотографией: **ОБЪЕКТ 17. ПОКИДАТЬ ЗОНУ ЗАПРЕЩЕНО.** Внутри у него всё оборвалось и ухнуло вниз.

— Это что такое?

Мира не ответила.

— Кто этот человек?

— Ты.

— Я никогда не носил такую форму.

— Пока.

Алексей медленно повернул к ней голову.

— Что значит «пока»?

Она отпустила его руку, и на коже остался холодный отпечаток.

— Значит, что если ты останешься здесь дольше, одна из версий тебя станет именно этим человеком.

— Версий?

Мира молчала. Смотрела в пол.

— Мира.

Она взглянула на часы — простые, механические, с потёртым ремешком.

18:04.

Алексей моргнул. Четыре минуты назад было четырнадцать десять.

— Нам нужно уходить.

— Куда?

— В место, где они не смогут нас увидеть.

— Кто «они»?

Она посмотрела ему за спину, и лицо у неё изменилось.

— Уже поздно.

Алексей обернулся. На противоположной стороне платформы стоял тот самый мужчина с фотографии. Старше. Высокий. В тёмном пальто, застёгнутом на все пуговицы. И теперь он был совершенно, безусловно реален — люди обтекали его, кто-то даже извинился, задев плечом. Он медленно поднял руку. Не махнул. Просто поднял — ладонью вперёд, как поднимают руку, здороваясь с тем, кого давно ждали. Алексей смотрел на него через рельсы, через двадцать метров пустоты. Мужчина улыбнулся. А потом вокруг них погас свет. Раз. Два. Три.

Когда свет вернулся, мужчины не было. Только пожилая пара на его месте и рекламный ролик про вклад, начавшийся заново. На платформе осталась только Мира. Она была

бледной — по-настоящему, до синевы под глазами.

— Ты его знаешь?

— Да.

— Кто он?

Она долго молчала. Мимо прогрохотал состав, обдав их горячим ветром. Затем тихо произнесла:

— Ты.

Вечером Алексей сидел дома в полной темноте. Свет он так и не включил — почему-то казалось, что при свете его виднее. Перед ним на столе лежали фотографии. Та, что пришла в конверте. Та, что была утром, — распечатанная на принтере, с бледной, севшей краской. Телефон, чёрный и мёртвый. Ноутбук. И старый бумажный конверт с цифрой «3». Мира исчезла несколько часов назад — просто вошла в поток людей у эскалатора и растворилась в нём, и он даже не пытался догнать. Перед уходом она сунула ему сложенный вчетверо листок с адресом.

И сказала только: «Приходи завтра. Один.» Алексей не собирался идти. Он уже решил. Он вообще хотел уехать из города сегодня же. Сесть на первый поезд. Автобус. Самолёт. Что угодно, куда угодно — лишь бы подальше от метро, от тоннелей, от стеклянных отражений в мчащейся темноте. Он даже открыл сайт вокзала. И закрыл, не выбрав направления. В 22:58 телефон включился сам. Экран загорелся ровным белым светом, осветив комнату снизу. Без уведомления. Без звука. Прямо на рабочем столе, поверх всех

иконок, появилась надпись:

23:17

Алексей посмотрел на настенные часы.

22:59.

Он встал. Подошёл к окну. На улице шёл дождь — мелкий, частый, косой, размазывающий фонари в жёлтые кляксы. В отражении стекла была видна комната. Он. Стол. Диван с брошенным пледом. Телефон, светящийся на столе. А за его спиной... Стояла Мира. Алексей резко обернулся. Никого. Пустая тёмная комната. Он снова посмотрел в окно. Она всё ещё была там. И на этот раз рядом с ней стоял мужчина. Его двойник. Они стояли молча, плечом к плечу, и смотрели на него из глубины отражённой комнаты.

Алексей приблизился к стеклу, чувствуя лбом холод. Мира подняла руку. И медленно, буква за буквой, написала пальцем по запотевшему изнутри стеклу:

НЕ САДИСЬ.

Алексей посмотрел на часы.

23:16.

Одна минута. Внизу, во дворе, подъехало такси; фары мазнули по стене дома. Кто-то вышел, хлопнула дверца. Алексей не двигался. Телефон зазвонил. Номер был неизвестный — просто набор цифр без кода. Он ответил. Молчание. Долгое, с еле слышным потрескиванием. Потом голос. Свой собственный. Тот же тембр, та же манера тянуть первый слог. Только старше, суше.

— Алексей.

Он закрыл глаза.

— Кто это?

— Неважно.

— Что тебе нужно?

— Чтобы завтра утром ты помнил сегодняшнюю ночь.

— О чём ты?

На другом конце линии прозвучал тихий выдох — усталый, почти нежный.

— Через шестьдесят секунд ты забудешь три минуты своей жизни. Постарайся. Это всё, о чём я прошу.

Алексей посмотрел на часы.

23:17.

В комнате погас свет. Не электричество. Всё. Исчез звук шин по мокрому асфальту. Исчез шорох дождя по подоконнику. Исчез холодильник, гудевший на кухне последние восемь лет. Исчезло даже собственное дыхание — он чувствовал, как поднимается грудь, но не слышал ничего. Тишина. Плотная, как вата, забитая в уши. Алексей опустил взгляд на телефон. Экран показывал:

23:17:00

Секунда.

23:17:01.

Две.

23:17:02.

Три. И на четвёртой секунде кто-то постучал в дверь.

Один раз. Два. Три. Звук пришёл, разорвав тишину, — единственный звук во всём мире. Алексей медленно пошёл к двери. Пол под ногами не скрипел. Он уже знал, кто там стоит. Но всё равно открыл. На пороге стоял он сам. Старше. С тонким тёмным шрамом у основания шеи. С рубашкой, залитой кровью справа, от плеча до пояса. И с глазами, полными такого ужаса, какого Алексей никогда не видел на человеческом лице — тем более на собственном.

— Закрой дверь, — сказал двойник хрипло.

— Почему?

Старший Алексей посмотрел ему за спину, в глубину лестничной площадки. Лицо его стало белым.

— Потому что она уже здесь.

И только тогда Алексей заметил девушку. Миру. Она стояла в дальнем конце площадки, у окна, между этажами. Но смотрела не на Алексея. Она смотрела на его двойника — не отрываясь, не мигая. И в её руках был пистолет. Мира подняла оружие. Руки у неё не дрожали.

— Не слушай его.

Старший Алексей медленно, кривовато усмехнулся.

— Видишь?

Он перевёл взгляд на младшего себя.

— Я же говорил.

— Что говорил?

— В нашем мире она меня убила.

Выстрела не последовало. Вместо этого реальность морг-

нула — низко, глухо, как в тоннеле. Три секунды. И всё исчезло.

Утром Алексей проснулся на полу. Он лежал в прихожей, у самой входной двери, щекой на холодном линолеуме. Телефон валялся рядом. На часах:

06:48.

Он медленно сел, придерживаясь за стену. Голова болела тупо, изнутри, будто её всю ночь заполняли чем-то тяжёлым. В квартире было тихо. За окном шумел утренний город. Ничего не изменилось. Он поднялся. Посмотрел на дверь. Заперта. Оба замка, изнутри, как он всегда и делал. А на полу перед ней лежала латунная гильза. Алексей поднял её. Металл был тёплым. На боку была выгравирована одна буква: М.

Он взял телефон. В галерее появилось новое фото — первым в ленте, без времени съёмки. Алексей открыл его. На снимке была его лестничная площадка. Он сам стоял в дверях, спиной к камере, — растерянный, ссутуленный. Перед ним — Мира, с поднятым пистолетом. А рядом стоял его двойник, в окровавленной рубашке. Но фотографию делал не Алексей. Потому что в левом нижнем углу кадра была видна чужая рука — крупно, не в фокусе, будто человек держал камеру у бедра. И на запястье — часы.

Точно такие же, как у Алексея. Та же царапина на стекле. Только циферблат показывал:

23:20.

Алексей смотрел на фотографию всё дольше, приближая, отдаляя, разглядывая углы. И наконец понял, что именно всё это время его тревожило. На снимке были три человека. Он. Мира. Его двойник. Но тень на стене была только одна. Чужая. Высокая. Вытянутая до самого потолка. И она стояла прямо за Алексеем. Хотя на фотографии там никого не было.

Глава 4. Ошибка в фотографии

Алексей смотрел на фотографию так долго, что глаза начали слезиться, а по краям зрения поплыли мутные пятна. Он не замечал ничего вокруг. Ни сухого тиканья часов на стене. Ни надтреснутого гудения холодильника за стеной кухни. Ни дождя, который снова начался и теперь мелко сыпал по жестяному отливу. Только фотографию. Три человека. Одна тень. Он развёл пальцы, увеличивая изображение. Тень стала крупнее — размытая, вытянутая фигура, будто кто-то очень высокий стоял вплотную к стене, чуть наклонившись вперёд.

Прямо за его плечом. Сначала Алексей решил, что это ошибка освещения. Плохая лампа, длинная выдержка, случайный силуэт от перил. Потом заметил главное. Тень не совпадала с положением света. На площадке лампа висела слева, у окна между этажами. Он помнил это точно — сам менял её в мае. Значит, тени должны были падать вправо. И они падали: его собственная, тень двойника, тень Миры — все три легли вправо, послушно, как положено. А эта уходила в противоположную сторону. Влево. Против света. Против всякой физики.

— Нет...

Он снова увеличил изображение, до самого предела, пока пиксели не расплзлись мутными квадратами. И тогда стали

видны глаза. У тени. У того, кто стоял позади. Два тёмных пятна на плоской серой поверхности — там, где у тени не может быть ничего. И они смотрели в объектив. Алексей отшатнулся. Телефон выскользнул из пальцев и глухо стукнулся о ковёр. Он медленно поднял голову. В комнате никого не было. Но ощущение чужого присутствия не исчезло. Наоборот.

Стало плотнее, гуще — как воздух перед грозой. Будто кто-то действительно находился рядом, в полутора метрах, и просто ждал, пока Алексей научится его видеть. Он прошёл по квартире, включая свет везде, где проходил. Кухня. Пусто. Только чашка с остывшим кофе. Коридор. Пусто. Куртка на крючке, ещё влажная в плечах. Ванная. Пусто. Занавеска, отдёргнутая рывком, качнулась и замерла. Спальня. Пусто. Он открыл шкаф, раздвинув вешалки с рубашками.

Потом зачем-то опустился на четвереньки и заглянул под кровать, в пыльную темноту, где валялся один носок и коробка от обуви. И сам понял, насколько это нелепо: тридцатидвухлетний мужчина ползает по полу собственной квартиры, ищет тень. Он сел на пол, прислонившись спиной к кровати. Закрыв глаза. Глубоко вдохнул.

— Это просто фотография.

Слова прозвучали неубедительно даже для него самого. Комната их не приняла. Телефон в соседней комнате завибрировал. Алексей замер. Он поднялся, вышел, поднял его с ковра. На экране горело сообщение.

НЕ СМОТРИ НА ТЕНЬ.

Внутри всё похолодело — резко, до испарины на висках. Второе сообщение пришло через несколько секунд. ОНА ЗАМЕЧАЕТ, КОГДА ТЫ ЕЁ ЗАМЕЧАЕШЬ. Третье: И НЕ ВСЕГДА ОНА ПРИХОДИТ ОДНА. Алексей быстро, дёрганными от адреналина пальцами, набрал:

КТО ТЫ?

Ответ пришёл мгновенно — так, будто его написали за-долго до вопроса.

ТЫ УЖЕ СПРАШИВАЛ.

Алексей:

ГДЕ?

Пауза. Три точки появились и погасли. Появились снова. Потом: В МИРЕ, КОТОРЫЙ ЕЩЁ НЕ НАСТУПИЛ. Экран погас. Алексей несколько секунд смотрел на своё отражение в чёрном стекле — тёмный овал лица, блик от окна, растрёпанные волосы. И тут отражение моргнуло. Он — нет. Алексей окаменел, чувствуя, как немеют губы. Отражение медленно улыбнулось. И подняло палец к губам. Точно так же, как человек на первой фотографии. Тем же жестом, с тем же наклоном головы. Алексей резко швырнул телефон на диван, будто тот обжёг ему ладонь.

Через час он снова был в метро. Сам не понимал зачем. Наверное, хотел проверить, существует ли ещё тот, второй мир, или всё уже схлопнулось и рассосалось, как дурной сон. Или доказать себе, что вчерашнее было цепочкой случайно-

стей, усталостью, совпадением. А может быть, ему просто хотелось увидеть Миру. Последняя мысль была самой опасной — и он поймал себя на ней уже на эскалаторе, и от этого стало не по себе. Он спустился на платформу. То самое место. Тот же серо-розовый мрамор, вытертый ногами до матового блеска.

Те же рекламные экраны. Те же люди — деловитые, погружённые в телефоны, пахнущие кофе и мокрой одеждой. Только сегодня было светло, и станция выглядела до обидного будничной. На табло — 10:16. Обычный день. Вторник как вторник. Алексей подошёл к краю платформы, к жёлтой линии. Из тоннеля потянуло ветром — поезд приближался, гудя всё ближе. Он посмотрел на вагоны, считая, как вчера. Первый. Второй. Третий. Ничего. Ни цифры, ни пустоты. Обычный набитый вагон. Двери открылись. Он вошёл в первый. И сразу почувствовал запах.

Тот же самый. Озон — резкий, как после короткого замыкания. Холодный металл. И что-то ещё, едва уловимое, на самом краю восприятия. Похожее на запах дождя после грозы — на тот особенный воздух, который бывает секунд тридцать, пока земля ещё не начала испаряться. Алексей огляделся. Свободных мест не было. Он встал возле двери, взявшись за поручень. Поезд тронулся. Станция уплыла назад и исчезла. Через несколько секунд свет моргнул. Один раз. Алексей напрягся, крепче сжав металл. Второй. Пальцы побелели на поручне. Третий.

И все люди в вагоне одновременно повернули головы к нему. Все. Разом. Без единого лишнего движения, без шороха одежды — как будто выполнили одну общую команду. Алексей замер. Никто не говорил. Никто не шевелился. Просто смотрели. И впервые он заметил одну деталь. У всех были одинаковые глаза. Совершенно одинаковые. Серые. Холодные. Без выражения, без блеска, без единой мысли за ними. Тридцать пар глаз с одного лица. Поезд продолжал движение, безмятежно постукивая на стыках. Алексей сделал шаг назад, упершись лопатками в дверь.

И вдруг увидел Миру. Она сидела в самом конце вагона. На том самом месте, где вчера стоял его двойник. Мира подняла глаза. Алексей пошёл к ней — медленно, между рядами неподвижных серых взглядов. Люди не двигались. Только головы поворачивались, провожая его. Плавно. Синхронно. Когда он подошёл, она сказала, не поздоровавшись:

— Ты не должен был сюда приходить.

— Ты оставила мне адрес.

— Не сегодня.

— Тогда когда?

Вместо ответа она посмотрела на его руки.

— Где фотография?

Алексей нахмурился.

— Какая?

— С тенью.

Он ничего не ответил. И этого хватило. Мира закрыла гла-

за и на секунду прижала пальцы к переносице.

— Значит, она уже увидела тебя.

— Кто — она?

Она открыла глаза.

— То, что находится между мирами.

— Что это такое?

— Я не знаю.

— Ты врёшь.

Мира посмотрела на него — прямо, устало, без попытки отвести взгляд.

— Да.

Алексей почувствовал странное, кривое облегчение. По крайней мере, впервые за эти сутки она сказала правду.

— Почему?

— Потому что я боюсь.

Он сел напротив неё. Колени почти касались.

— Ты говорила, что знаешь, что происходит.

— Я знаю не всё.

— Тогда расскажи то, что знаешь.

Мира молчала некоторое время. Поезд шёл. Тоннель за окном тянулся бесконечно — без ламп, без ниш, без единой отметки.

— Когда два мира оказываются слишком близко, — сказала она наконец, — между ними появляется нестабильная зона.

— Трещина?

— Да.

— И там может что-то находиться?

— Может.

— Человек?

Она покачала головой.

— Не знаю.

— Тогда что?

Мира посмотрела ему прямо в глаза.

— Иногда это выглядит как человек.

По спине пробежал холод.

— Тот мужчина?

— Возможно.

— Мой двойник?

— Нет.

— Ты говорила, что это я.

— Он похож на тебя.

— Это не ответ.

Мира отвела взгляд к чёрному окну.

— Потому что ответ хуже.

Свет в вагоне снова мигнул. На этот раз всего на секунду.

Но когда он вернулся, пассажиры исчезли. Все. Разом. Ни оставленных сумок, ни примятых сидений, ни следа. Вагон стал огромным и гулким. Алексей вскочил.

— Что произошло?

Мира не двигалась.

— Мы перешли.

— Куда?

Она молча посмотрела в окно. Тоннель кончился. Там была Москва. Но не та, которую он знал. Небо казалось слишком ярким — промытым, бирюзовым, без единого следа облаков и самолётов. Дома — выше, гораздо выше, с зеркальными гранями, уходящими вверх до потери фокуса. На улицах почти не было автомобилей. Вместо них между зданиями скользили бесшумные платформы — плоские, овальные, они текли по невидимым руслам на разной высоте, как рыбы в толще воды. На огромном экране над перекрёстком мелькнула дата:

17.08.2066.

Алексей медленно опустился обратно на сиденье.

— Шестьдесят шесть?

Мира кивнула.

— Да.

— Ты говорила, что ваш мир опережает мой на сорок лет.

— Я говорила о той реальности.

— А это какая?

Она посмотрела на него, и в глазах у неё не было ничего утешительного.

— Не знаю.

На стене вагона, у самого потолка, появилась трещина. Тонкая. Чёрная. Не разлом, не скол — просто линия абсолютной черноты, из которой ничего не выглядывало. Она медленно поползла вверх, потом вбок, беззвучно. Мира

вскочила.

— Выходим.

— Куда?!

— Неважно.

— Мира!

Она схватила его за руку — снова эти ледяные, сильные пальцы. И в этот момент поезд резко затормозил. Алексей рухнул на колени, проехавшись ладонью по полу. Мира удержалась, вцепившись в поручень. Двери открылись. За ними не было станции. Только белое пространство. Без пола. Без потолка. Без стен. Без горизонта и без источника света — оно светилось само, ровно и безжалостно, и от него сразу заболели глаза. Мира побледнела так, что стали видны сосуды на висках.

— Не смотри туда.

Но Алексей уже посмотрел. В белом пространстве стоял человек. Высокий. В тёмном пальто. Спина к ним, метрах в двадцати — если в этом месте вообще имели смысл метры. Алексей узнал силуэт мгновенно, всем телом.

— Это он.

Мира прошептала, не разжимая зубов:

— Нет.

— Ты же сказала, что это не он.

— Это не он.

Фигура медленно повернулась. Лицо оставалось скрытым — не тенью, а чем-то другим, будто взгляд соскальзывал с

него, не в силах зацепиться. Но глаза Алексей увидел. Серые. Такие же, как у всех пассажиров. Фигура сделала шаг — и белое пространство под ней не дрогнуло, не отозвалось звуком. Мира выдернула из-под пальто пистолет.

— Не двигайся.

Человек остановился. Послушно, почти вежливо. А потом заговорил. Голос был спокойным. Мягким. И шёл откуда-то со всех сторон сразу.

— Мира.

Она вздрогнула так, что дрогнул ствол.

— Ты меня знаешь?

— Очень давно.

— Кто ты?

Человек улыбнулся — было видно только движение нижней части лица.

— Тот, кто пережил последний переход.

Алексей смотрел на него, не в силах отвести глаз.

— Как тебя зовут?

Человек перевёл взгляд на него, и от этого взгляда стало физически холодно, как от сквозняка из подвала.

— Тебе правда интересно?

— Да.

— Тогда запомни.

Он сделал ещё один шаг.

— Моё имя не имеет значения.

Пауза — долгая, тягучая.

— Потому что через несколько дней ты будешь носить его сам.

Алексей почувствовал, что пол под ногами исчезает. Не проваливается. Именно исчезает — перестаёт существовать, слой за слоем. Он посмотрел вниз. Под вагоном больше ничего не было. Ни рельсов. Ни шпал. Ни земли. Только чёрная пустота, ровная и голодная. Мира закричала — впервые за всё время в голос:

— Алексей, прыгай!

Он прыгнул.

Он упал на колени. Под ладонями оказался холодный шершавый бетон, и от удара по рукам прошла тупая боль. Алексей поднял голову. Он был на обычной станции метро. Люди шли мимо, огибая его без интереса — кто-то бросил короткий взгляд и тут же отвернулся. Поезд стоял у платформы, двери были открыты. Мира исчезла. Белого пространства не было. Никакого человека. Никакой трещины. Алексей поднялся, отряхивая ладони, и посмотрел на табло. 10:19.

Три минуты. Всего три минуты прошло с тех пор, как он вошёл в вагон. Он тяжело дышал, чувствуя, как под рёбрами колотится сердце. Потом заметил девушку у края платформы. Она стояла неподвижно и смотрела прямо на него. Мира. Но на этот раз она была совершенно другой. Без пальто — в тонкой рубашке, разорванной на плече. Без оружия. С растрёпанными волосами, слипшимися на виске. На лице —

кровь, засохшая тёмной дорожкой от брови к подбородку. Она подошла, и он увидел, что она хромает.

— Алексей.

— Что случилось? Что с тобой?

— Ты вернулся слишком рано.

— Откуда?

Она посмотрела на свои часы.

— Из две тысячи шестьдесят шестого.

Алексей покачал головой.

— Я был там несколько секунд. Минуту, может.

Мира горько улыбнулась, и от улыбки трещинка на её губе снова начала кровить.

— Для тебя.

Она достала телефон — незнакомый, тонкий, без единой кнопки — и показала ему экран. Там была фотография. Алексей и Мира стояли возле какой-то незнакомой башни, сложенной из белых изогнутых сегментов. За ними разворачивался огромный, сияющий город. Дата: 17 августа 2066 года. Алексей замер. На фотографии он был старше. Заметно старше — с сединой на висках, с другой линией плеч, с усталым, но спокойным лицом человека, который давно ко всему привык. И он держал Миру за руку.

Не просто держал — их пальцы были переплетены так, как переплетаются у людей, делающих это ежедневно. Но главное было не это. У Миры на безымянном пальце было кольцо. На его руке — точно такое же. Она посмотрела на него,

и в глазах у неё что-то дрогнуло.

— Мы были там девятнадцать дней.

— Что?

— Ты ничего не помнишь.

Это был не вопрос. Алексей медленно покачал головой.

— Я был здесь меньше минуты.

Мира смотрела на него с таким выражением, будто уже слышала эту фразу — и знала, что будет дальше.

— Значит, случилось то, чего я боялась.

— Что случилось?

Она прошептала, почти беззвучно:

— Началась обратная трещина.

— И что это значит?

Мира посмотрела на рельсы, в чёрный зев тоннеля. Оттуда донёсся нарастающий звук приближающегося поезда — низкий, слишком низкий для метро.

— Теперь не только ты можешь попасть в другой мир.

Она подняла глаза.

— Другие миры смогут прийти к тебе.

Поезд вышел из темноты, обдав платформу горячим ветром. Но на его передней панели вместо номера маршрута горели четыре незнакомых символа — угловатых, чужих, не похожих ни на одну известную ему письменность. Алексей смотрел на них, и они плыли, менялись, пересобирались у него на глазах. Пока он вдруг не понял: это были не буквы. Это было его имя.

АЛЕКСЕЙ ВОРОНЦОВ.

Глава 5. Девушка на другой стороне

Поезд остановился. Не плавно. Он словно врезался в невидимую стену — с коротким, неправильным толчком, от которого по всей платформе прошла дрожь. Вагоны вздрогнули, сцепки лязгнули, свет внутри несколько раз моргнул — и погас. На платформе стало тихо. Слишком тихо. Так, будто станцию вместе со всеми звуками накрыли толстым войлоком. Алексей стоял неподвижно, чувствуя, как мелко бьётся жилка на шее. На передней панели состава всё ещё горели четыре странных символа — угловатых, чужих, светящихся тускло-янтарным. Его имя.

Мира вцепилась в его руку.

— Не смотри.

— Почему?

— Потому что он смотрит в ответ.

Алексей всё-таки поднял глаза. Вместо стекла кабины машиниста он увидел тёмное зеркало — гладкое, глубокое, без единого блика от станционных ламп. И в нём — себя. Только отражение было другим. Алексей стоял неподвижно, вжав голову в плечи. Отражение улыбалось — спокойно, почти дружелюбно. Потом оно медленно подняло руку. И показало пальцем на Миру. Она резко отдёргнула его от края плат-

формы.

— Нам надо уходить.

— Куда?

— Подальше от поезда.

— Ты сама сказала, что он может попасть в мой мир.

— Именно поэтому.

Они пошли вдоль платформы, быстро, почти срываясь на бег. Поезд остался позади, тёмный и молчаливый. Алексей несколько раз оглядывался, не в силах удержаться. Состав стоял неподвижно. Но казалось, что внутри кто-то двигается. За тёмными окнами мелькали силуэты — быстрые, рваные, слишком стремительные, чтобы понять, кому они принадлежат. Они пересекали вагон от стены к стене, снова и снова, как мухи в закрытой банке. На третьем вагоне появилась тонкая светящаяся линия. Она прошла от пола до крыши — ровно, без спешки.

Будто кто-то изнутри медленно, аккуратно вскрывал вагон по шву. Мира остановилась и обернулась. Лицо её стало серым.

— Бежим.

— Что?

— Сейчас!

Они побежали. В тот же момент позади раздался звук. Не взрыв. Скорее хлопок огромного пространства — так схлопывается воздух в опустевшем объёме, и уши мгновенно заложило. Алексей обернулся на бегу. Там, где стоял поезд,

больше ничего не было. Ни состава. Ни следов. Ни искр на рельсах. Только пустая платформа. И десять человек. Они стояли ровной линией — плечом к плечу, на равном расстоянии, как выставленные кем-то фигурки. Все смотрели на Алексея. Все были совершенно одинаковыми в своей неподвижности.

И у всех были лица людей, которых он когда-то видел. Он остановился, задыхаясь.

— Мира...

— Не смотри на них!

Но один человек уже сделал шаг вперёд. Это был его начальник. Тот самый, в вечно мятом пиджаке, с привычкой прищёлкивать ручкой. Только глаза были пустыми — серыми, ровными, без единой мысли. Второй оказался соседкой. Валентина Сергеевна, в том же халате, всё ещё с мусорным пакетом в руке. Третий — незнакомый мальчик лет десяти, тот, что смотрел видео в вагоне. Четвёртая... Мира резко рванула Алексея за плечо.

— Они не настоящие!

— Тогда почему я их знаю?

— Потому что они знают тебя.

Через несколько минут они оказались в служебном коридоре — узком, с крашеными стенами и мотками кабеля под потолком. Мира захлопнула тяжёлую железную дверь и провернула запор. За стеной продолжал работать обычный метрополитен. Гремели поезда. Люди разговаривали, кто-то

смеялся. Кто-то ругался в телефон, требуя перезвонить сегодня же. Мир снова стал нормальным — оскорбительно, издевательски нормальным. Алексей прислонился к стене, чувствуя, как дрожат колени.

— Теперь объясняй.

Мира молчала, восстанавливая дыхание.

— Мне надоело ничего не понимать.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

Он посмотрел на неё в тусклом свете лампы под потолком.

— Ты знаешь обо мне больше, чем я сам.

Мира отвела глаза.

— Знаю.

— Я видел фотографию.

Она заметно напряглась.

— Какую?

— Где мы вместе.

Мира ничего не ответила.

— На ней мы были в две тысячи шестьдесят шестом.

Молчание. Только гул вентиляции за стеной.

— И ты носила кольцо.

Мира закрыла глаза. Алексей почувствовал, как внутри поднимается злость — горячая, спасительная, вытесняющая страх.

— Мы были там девятнадцать дней.

— Да.

— А здесь прошли минуты.

— Для тебя.

— Что произошло за эти девятнадцать дней?

Мира долго не отвечала. Смотрела в пол, на трещину в бетоне. Потом сказала — тихо, без выражения:

— Мы влюбились.

Алексей замер. Это было слишком простое слово. После всего, что произошло, он ожидал услышать что угодно. Эксперимент. Катастрофу. Заговор. Смерть. Но не это.

— Мы?

— Да.

— Я тебя почти не знаю.

— Здесь.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Здесь ты меня почти не знаешь.

Алексей молчал.

— Но там ты уже знал.

— Что именно?

— Как я смеюсь.

Она едва заметно улыбнулась — уголками губ, устало.

— Как я боюсь грозы.

Алексей почувствовал в груди странное давление, тяжёлое и незнакомое.

— Я...

— Ты говорил, что у меня привычка трогать левое ухо, когда я лгу.

Она машинально коснулась мочки уха. И тут же поймала себя на этом. Алексей невольно посмотрел на её руку.

— Ты сейчас врёшь?

— Нет.

— Тогда почему трогаешь?

Мира впервые за всё время засмеялась. Совсем тихо, коротко, прикрыв глаза. И в этом смехе Алексей вдруг почувствовал что-то знакомое. Как будто он действительно уже слышал его. Не вчера. Не сегодня. Где-то очень далеко — за много слоёв усталости, дождя и метро. В другой жизни. От этого узнавания стало по-настоящему страшно.

— Что с нами произошло потом? — спросил он.

Улыбка исчезла с её лица мгновенно.

— Ты исчез.

— Как?

— Из реальности.

— Я умер?

— Нет.

Мира посмотрела на него.

— Это было бы проще.

Они прошли коридором и вошли в маленькую комнату без окон. Внутри стоял старый компьютер с пузатым монитором, металлический стол в царапинах и несколько шкафов с висячими замками. Пахло пылью, разогретой электроникой и остывшим чаем. Мира щёлкнула тумблером. Монитор загудел, разгораясь. На экране появилась карта. Но это была

не карта Москвы. На ней были десятки одинаковых городов. Одни находились рядом, соприкасаясь краями.

Другие — словно накладывались друг на друга, просвечивая насквозь, и в местах наложения линии дрожали. Некоторые были перечёркнуты жирным крестом. Алексей подошёл ближе, вглядываясь.

— Это что?

— Схема сопряжённых реальностей.

— Сколько их?

— Известных?

— Да.

— Двадцать семь.

— А неизвестных?

Мира посмотрела на него.

— Не знаем.

На карте вспыхнула одна точка. Красная. Пульсирующая, как маячок. Мира быстро уменьшила изображение колесом мыши.

— Вот.

Алексей увидел обозначение рядом с точкой.

P-0.

— Это мой мир?

Она кивнула.

— Почему он отмечен красным?

— Потому что он единственный, в котором переходы не должны были произойти.

— Почему?

Мира молчала, глядя в экран.

— Мира.

Она вздохнула.

— Потому что ваш мир считается закрытым.

— Кто решил?

— Мы.

— Кто такие «мы»?

— Те, кто следит, чтобы реальности не смешивались.

— Континуум?

Мира резко повернула к нему голову.

— Откуда ты знаешь это название?

— Ты сама упоминала.

— Я не упоминала.

Алексей почувствовал холод под лопатками.

— Нет?

— Нет.

— Но я слышал это слово раньше.

— Где?

Он задумался, пытаясь поймать ускользающее. И вдруг увидел — не вспомнил, а именно увидел, как наяву. Кабинет. Белые стены без единого пятна. Стол, слишком низкий. Человек в сером, сидящий напротив. И собственный голос — взрослый, тяжёлый, чужой: «Континуум не должен узнать о ней». Картинка исчезла, оставив после себя резкую боль в висках. Алексей схватился за голову.

— Чёрт!

Мира подошла, придержала его за плечо.

— Что ты увидел?

— Себя.

— Где?

— В каком-то кабинете. Белом.

— Когда?

— Не знаю. — Он с трудом разогнулся. — Никогда.

Мира смотрела на него несколько секунд, не мигая. Затем молча отошла, открыла шкаф и достала папку — тонкую, серую, с потёртыми уголками. На обложке было написано от руки:

ВОРОНЦОВ АЛЕКСЕЙ.

Алексей застыл.

— Это невозможно.

Мира положила папку на стол.

— Открой.

Внутри были документы. Фотографии, скреплённые скрепками. Медицинские записи с чужими аббревиатурами. Схемы, похожие на переплетения нервов. На первой странице, в шапке: Дата рождения: 14.03.2037. Алексей отшатнулся от стола.

— Это не я.

— Знаю.

— Тогда почему здесь моё имя?

Мира перевернула страницу. Там была фотография. Муж-

чина. Тот же Алексей. Старше — те же виски, та же складка у левого глаза. На шее — тонкий тёмный шрам. Под фотографией: Субъект R-0/17. А ниже, другим шрифтом: Проект «Зеркало». Алексей поднял глаза на Миру.

— Что такое «Проект Зеркало»?

Она закрыла папку ладонью.

— Твоя история.

— Я не хочу твоих загадок.

— Тогда слушай.

Мира отодвинула стул и села напротив него.

— В нашей реальности десять лет назад обнаружили устойчивую точку контакта с R-0.

— С моим миром?

— Да.

— Кто прошёл первым?

Мира не ответила.

— Кто?

— Ты.

Алексей замер.

— Невозможно.

— Тебе было сорок.

— Мне сейчас двадцать девять.

— Именно.

— Тогда как?

Мира посмотрела на него — и в её взгляде была бесконечная усталость человека, объясняющего это не в первый раз.

— Потому что время между мирами не совпадает.

Алексей почувствовал, что начинает понимать. Но только самую малость — как понимаешь очертания предмета в тёмной комнате, ещё не зная, что это.

— Я попал сюда?

— Да.

— И?

— Мы пытались вернуть тебя.

— А потом?

— Не получилось.

Она опустила взгляд на папку.

— Ты остался.

— А потом?

— Начал стареть.

— Но я вернулся.

— Нет.

Мира произнесла очень тихо, почти одними губами:

— Вернулся не ты.

По телу прошёл ледяной ток.

— Что значит «не я»?

Мира не ответила. Дверь комнаты распахнулась, ударившись о шкаф. Вошёл мужчина. Лет пятидесяти. Седые, коротко стриженные волосы. Тёмный костюм, безупречный и слегка старомодный. На груди — небольшой металлический знак в виде трёх пересекающихся линий. Он посмотрел на Миру, и голос его был сухим:

— Ты не должна была приводить его сюда.

Мира встала.

— Он всё равно бы нашёл это место.

Мужчина перевёл взгляд на Алексея. И сразу изменился в лице — вся выправка, вся жёсткость сползли с него в одну секунду.

— Господи...

Он шагнул ближе, вглядываясь.

— Что? — Алексей невольно отступил.

Мужчина смотрел на него так, будто увидел призрака. То-го самого, которого хоронил лично.

— Это действительно ты.

— Вы меня знаете?

Мужчина медленно, тяжело опустился на стул.

— Да.

— Откуда?

Он посмотрел на Миру.

— Ты ему ничего не сказала?

— Нет.

— Тогда я скажу.

Мужчина снова повернулся к Алексею.

— Впервые мы встретили тебя двадцать два года назад.

Алексей рассмеялся — коротко, нервно.

— Мне двадцать девять.

— Я знаю.

Мужчина наклонился вперёд, положив локти на колени.

— Именно поэтому мы двадцать два года не могли понять, как ты вообще можешь существовать.

В комнате стало очень тихо. Слышно было, как гудит монитор.

— Как это возможно?

Мужчина ответил:

— Потому что тогда тебе было семь лет.

Алексей перестал улыбаться.

— Что?

Мужчина достал из внутреннего кармана ещё одну фотографию — старую, с загнутым уголком. На ней был маленький мальчик. Лет семи. Стоящий возле металлической двери. Рядом — женщина, положившая руку ему на плечо. Алексей узнал её мгновенно. Свою мать. Молодую. С той самой стрижкой, которую она носила, пока он не пошёл в школу. Он никогда не видел этой фотографии. Её не было ни в одном альбоме, ни в одной коробке. Но он знал, что это она. У него перехватило дыхание.

— Где вы это взяли?

— В твоём мире.

— Когда?

Мужчина перевернул снимок. На обороте карандашом стояла дата. 17 августа 2004 года. Алексей медленно опустился на стул. Он родился в девяносто седьмом. На фотографии ему действительно было семь. Но за спиной мальчика была дверь. Та самая. Без ручки. С тонкой чёрной трещи-

ной посередине — точно такой же, какая ползла по стене вагона. И на двери красовался знак. Три пересекающиеся линии. Мира подошла ближе, заглядывая через плечо.

— Ты узнаёшь её?

Алексей не мог говорить. Перед глазами начали всплывать обрывки — быстрые, рваные, не связанные ничем. Белая комната. Женский голос, очень мягкий. Запах озона — тот самый, из вагона. Холодная стеклянная поверхность под детской ладонью. И одна фраза, произнесённая почти шёпотом, у самого уха: «Не бойся, Алексей. По ту сторону тебя никто не тронет.» Он поднял голову. Глаза жгло.

— Моя мать...

Мира смотрела на него.

— Что?

— Она знала.

В этот момент в здании погас свет. Все экраны разом потухли, оставив после себя быстро гаснущие белые полосы. Мужчина вскочил.

— Они нашли нас.

— Кто?

Он посмотрел на Алексея.

— Те, кто не хочет, чтобы ты вспомнил.

За стенами раздался глухой удар — низкий, отдавшийся в бетоне. Потом второй. Потом третий, ближе. Мира достала оружие и передёрнула затвор.

— Сколько у нас времени?

— Минуты три.

Алексей посмотрел на папку. Она лежала открытой на столе. И последняя страница, которую они не успели просмотреть, вдруг подсветилась сама — бледным синеватым светом, изнутри бумаги. На ней проступила строка:

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ: 17.08.2004

И ниже: ПРИЧИНА: МАЛЬЧИК С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.
Алексей замер.

— Какой мальчик?

Мёртвый экран монитора внезапно вспыхнул. Семилетний Алексей стоял перед дверью. Но теперь на фотографии рядом с ним появился ещё один человек. Маленькая девочка. Лет шести. Тёмные волосы, собранные лентой. Светлое платье. Она держала мальчика за руку. Мира подошла ближе. И резко остановилась, будто налетев на стекло. Она прошептала:

— Нет...

— Что?

Она смотрела только на фотографию, не мигая.

— Это невозможно.

— Ты её знаешь?

Мира подняла глаза. В них был настоящий, неподдельный страх — первый раз за всё это время.

— Да.

— Кто она?

Мира ответила почти беззвучно:

— Это я.

Глава 6. Соприкосновение

— Это я.

Мира произнесла эти слова так тихо, что Алексей сначала решил, будто ослышался.

— Что?

Она не отвечала. Продолжала смотреть на экран. На девочку в светлом платье. На маленького Алексея рядом с ней. На металлическую дверь, которой не должно было существовать. В комнате снова раздался удар — тяжёлый, глухой, где-то в перекрытиях. На этот раз сильнее. С потолка посыпалась мелкая известковая пыль, осев на металлическом столе тонким налётом. Мужчина в тёмном костюме быстро подошёл к двери и приложил к ней ухо.

— Нам нужно уходить.

Мира не двигалась.

— Мира.

Она подняла глаза — расфокусированные, будто смотрела сквозь него на что-то очень далёкое.

— Я была там.

— Где?

— По ту сторону двери.

Алексей снова взглянул на фотографию.

— В две тысячи четвёртом?

Она кивнула.

— Но ты тогда была ребёнком.

— Я знаю.

— Как ты могла попасть в мой мир?

— Не знаю.

— А я?

Мира посмотрела на него.

— Тоже не знаешь.

Где-то за стеной раздался протяжный металлический скрежет — так режут толстый лист. Мужчина резко повернулся.

— Они вскрывают нижний шлюз.

— Кто «они»? — спросил Алексей.

— Уже неважно.

Он вытащил из внутреннего кармана небольшой металлический цилиндр, гладкий, без единой отметки. Нажал кнопку большим пальцем. Стена рядом со шкафом дрогнула. И медленно, с сухим шорохом бетонной крошки, начала расходиться. За ней оказался узкий тёмный коридор, дохнувший холодом и сыростью.

— Входите.

Алексей не двигался.

— А фотография?

— Оставь.

— Нет.

Он схватил папку со стола, прижал к груди. Мира перехватила его запястье.

— Алексей.

— Что?

— Если берёшь её, назад дороги не будет.

— А сейчас она есть?

Мира смотрела на него несколько секунд, и в красноватом свете аварийной лампы её лицо казалось совсем чужим.

— Нет.

Они вошли в коридор. Стена сомкнулась за ними, отрезав звуки ударов.

Коридор уходил вниз. Лестница была настолько узкой, что приходилось идти почти боком, задевая плечами шершавые стены. Ступени были стёртыми — по ним ходили десятилетиями. Сверху всё ещё доносились удары, теперь приглушённые, будто из-под земли. Алексей слышал собственное дыхание, слишком громкое в этой каменной трубе. И рядом — дыхание Миры, короткое, частое. Она шла первой, подсвечивая ступени тусклым фонарём. Мужчина замыкал, и его шаги были тяжёлыми и ровными. Через несколько минут Алексей не выдержал.

— Куда мы идём?

— В старый архив.

— Зачем?

— Там есть то, чего нет больше нигде.

— Что?

— Ответ.

— На что?

Она остановилась так резко, что он едва не налетел на неё.

— На вопрос, почему ты вернулся.

Алексей замер на ступени.

— Но я думал, что это ты меня вернула.

— Нет.

— Тогда кто?

Мира обернулась через плечо.

— Вот это мы и пытаемся понять.

Они продолжили спуск. Воздух становился холоднее и суше, запах бетона сменился запахом бумаги и пыли. Лестница закончилась. Перед ними была дверь. Обычная. Серая, крашеная, с облупившимся углом. Без замка, без ручки, без единого шва. Мира приложила ладонь к металлу. Дверь бесшумно ушла в сторону. За ней находилось огромное помещение. Алексей остановился на пороге. Он никогда не видел ничего подобного. Высокие стеллажи уходили в темноту — вверх, к невидимому потолку, и вдаль, пока ряды не растворялись в сумраке.

На них лежали тысячи папок. Коробки, перевязанные шпагатом. Диски в потёртых конвертах. Носители, каких Алексей не узнавал. Старые фотографии в бумажных пакетах. Пахло сухой бумагой, картоном и озоном. Над каждой секцией висели подсвеченные таблички.

РЕАЛЬНОСТЬ R-1.

R-2.

R-3.

R-4.

Дальше цифры уходили во мрак, и там, в глубине, ещё слабо мерцали — десятки, сотни. Алексей медленно повернулся к Мире.

— Сколько их?

— Мы не знаем.

— Ты говорила — двадцать семь.

— Двадцать семь официально зарегистрированных.

— А остальные?

— Остальные не должны были существовать.

Алексей провёл рукой по ближайшему стеллажу; на пальцах остался серый пыльный след.

— И всё это...

— История контактов.

— Между мирами?

— Да.

Он посмотрел в сторону — и что-то зацепило взгляд. На отдельном стеллаже, в стеклянном коробе, лежала папка.

R-0.

А под ней, на латунной табличке:

ПЕРВИЧНЫЙ КОНТАКТ.

Алексей сделал шаг. Мира схватила его за плечо.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что ты не готов.

— Я уже устал это слышать.

Он сдвинул стекло и вытащил папку. Та была очень старая — картон покоробился от влаги и высох снова, углы обтрепались до бахромы. Пыльная. На обложке не было ни даты, ни номера. Только знак из трёх пересекающихся линий, оттиснутый вслепую. Алексей открыл. Первая страница была почти пустой. Только одна фраза, набранная по центру: «Реальность R-0 не является исходной.» Алексей перечитал дважды.

— Что?

Мира молчала.

— Если мой мир не исходный...

Он перевернул страницу. Там было: «R-0 — первая обнаруженная реальность, а не первая существующая.» Следующая: «Происхождение системы неизвестно.» Следующая: «Предположение: существует реальность нулевого порядка.» А под ней — чернилами, от руки, торопливым почерком: «Мы её уже нашли.» Алексей поднял глаза.

— Вы нашли?

Мира не ответила. Она смотрела в пол. Он перевернул страницу. И увидел фотографию. Старую. Чёрно-белую, зернистую, с высокой контрастностью. На ней была дверь. Та самая. Металлическая. Без ручки. С чёрной трещиной посередине — не царапиной, не сколом. Именно трещиной в самом металле, узкой и абсолютно чёрной. Снизу была дата: 17.08.2004.

А рядом — подпись: Место первого отклика. Внутри у

Алексея что-то сжалось в тугой ком.

— Это у меня дома?

— Нет.

— Тогда где?

Мира посмотрела ему в глаза.

— В твоём детстве.

Он не понял.

— Что это значит?

— Дверь была рядом с тобой. Всегда.

Алексей вспомнил фотографию мальчика. Свою мать, её руку на его плече. Дверь за спиной. И девочку. Он перевернул снимок. На обороте выцветшими чернилами было написано: Дети увидели друг друга через 7 минут после открытия. Ниже: Первый ребёнок — R-0. Второй ребёнок — неизвестная реальность. Имя второго ребёнка было густо зачёркнуто — так, что бумага прорвалась. А поверх зачёркнутого — новая запись, другими чернилами:

МИРА ЛАНСКАЯ.

Алексей поднял голову.

— Ты знала?

— Нет.

— Точно?

Она помолчала.

— Нет.

Он отложил фотографию на край стеллажа.

— Ты была в моей реальности, когда тебе было шесть лет.

— Да.

— И я был в твоей?

— Возможно.

— «Возможно»?

Она смотрела на папку, не поднимая глаз.

— Я ничего не помню до восьми лет.

Алексей замер.

— Почему?

Мира опустила голову ещё ниже.

— Потому что мне стёрли память.

В архиве стало совсем тихо. Где-то далеко капала вода.

— Кто?

— Люди, которые боялись того, что мы увидели.

— И что мы увидели?

Мира подняла глаза.

— Другой мир.

Алексей вздохнул, потеряв переносицу.

— Но мы уже знаем о других мирах. Мы стоим в архиве других миров.

— Нет.

Она покачала головой.

— Ты видел переходы. Я видела их последствия.

— В чём разница?

Мира произнесла медленно, будто подбирая самые простые слова:

— Мы думали, что параллельные миры существуют одно-

временно.

— А разве нет?

— Оказывается, нет.

Алексей почувствовал неладное — холодок под рёбрами.

— Объясни.

Мира посмотрела на него.

— Некоторые миры не существуют постоянно.

— Не понимаю.

— Они возникают.

— Как?

— Когда кто-то делает определённый выбор.

Алексей молчал, глядя на бесконечные стеллажи.

— Каждое решение может создавать новый путь, — продолжила она. — Но большинство путей никогда не становятся полноценными мирами. Они остаются возможностями. Тонкими, как плёнка. Они гаснут.

— А некоторые...

— Становятся реальностями.

— И что происходит потом?

— Они начинают развиваться независимо. Расходятся, как трещины по стеклу.

Алексей вспомнил карту с наложенными городами.

— Тогда почему наши миры так похожи?

— Потому что мы когда-то были одним миром.

Он медленно кивнул.

— До момента разделения.

— Да.

— А можно вернуться назад? К точке, где всё разошлось?
Мира ответила не сразу.

— Именно это и пытались сделать.

Алексей посмотрел на неё.

— Кто?

— Первые.

— Кто такие «первые»?

Мира открыла рот — и в этот момент свет в архиве погас.

Темнота была мгновенной и абсолютной. Алексей услышал, как где-то очень далеко, внизу, чихнул и заработал аварийный генератор. Вдоль стен, одна за другой, загорелись красные лампы, и стеллажи отбросили длинные, косые тени. Мира выхватила оружие.

— Не двигайся.

Алексей застыл на месте.

— Они нашли нас?

Мужчина у двери повернул голову, прислушиваясь.

— Нет.

— Откуда знаешь?

— Если бы это были они, мы бы уже не разговаривали.

Где-то между стеллажами, в глубине, раздался звук. Шаг. Ещё один. Медленный. Спокойный. Не крадущийся — уверенный, будто человек шёл по собственному дому. Мира направила оружие в темноту.

— Кто там?

Ответа не было. Алексей услышал шёпот. Едва различимый, у самого края слуха.

— Алексей...

Он застыл. Это был его собственный голос.

— Ты слышал? — спросил он одними губами.

Мира кивнула.

— Да.

Голос прозвучал снова. Теперь ближе. Через ряд, не больше.

— Алексей...

Он шагнул между стеллажами, вглядываясь в красноватый сумрак. Там никого. Но на полу, в проходе, лежала фотография — белым прямоугольником на тёмном бетоне. Алексей подошёл и поднял её. На ней была комната. Та самая. Его детская. Он узнал обои — жёлтые, в мелких корабликах, которые мать клеила сама. Старый шкаф с перекошенной дверцей. Игрушки на нижней полке. Кровать с продавленным углом. И дверь. Только теперь он увидел то, чего никогда не замечал раньше. Это была не дверца шкафа.

Она была металлической. И на фотографии — открытой. За ней стоял он. Семилетний, в растянутой футболке. А рядом с ним — Мира. Дети держались за руки. А за их спинами находился третий человек. Алексей поднёс снимок ближе к красной лампе. Человек был взрослым. Лицо размыто — не движением, а чем-то другим, как будто объектив отказался его брать. Но на шее ясно виднелся тот самый шрам. Мира

опустила оружие. Ствол дрогнул.

— Нет...

— Кто это?

Она не отвечала. Мужчина подошёл, взял фотографию за край. Посмотрел. И побледнел так, что стало заметно даже в красном свете.

— Ты знала, — сказал он ей.

— Нет.

— Знала.

— Я не помню.

— Но он помнит.

Алексей резко повернулся.

— Кто помнит?

Мужчина ткнул пальцем в размытую фигуру.

— Твой отец.

Алексей замер.

— Что?

— Он стоял между вами.

— Моего отца не было рядом в тот день.

Мужчина молчал.

— Я помню, — упрямо повторил Алексей.

— Нет.

— Мне было семь, но я помню.

— Вот именно. Тебе было семь.

Мужчина смотрел на него странно — не с недоверием. С осторожностью, как смотрят на человека, которому сейчас

скажут страшное.

— Потому что твой отец умер за два года до этой фотографии.

Тишина. Алексей перестал дышать.

— Что?

— Твой отец погиб в две тысячи втором.

Мира медленно повернулась к нему.

— Алексей...

Он не слышал. Он смотрел на мужчину.

— Мой отец умер в две тысячи втором?

— Да.

— Почему я этого не помню?

Мужчина ответил, не отводя взгляда:

— Потому что это не твой отец.

Алексей почувствовал, как пол уходит из-под ног — по-настоящему, физически, как в лифте.

— Тогда кто?

Мужчина посмотрел прямо ему в глаза.

— Это первый человек, который научился переходить между реальностями.

Алексей произнёс медленно, чувствуя, как немеет язык:

— Как его зовут?

Мужчина не успел ответить. Все лампы одновременно погасли — красные, аварийные, все. Из темноты раздался голос. Женский. Нет — детский. Тихий. Испуганный.

— Папа...

Мира резко повернулась на звук.

— Что?

Алексей стоял неподвижно. Он почувствовал, как внутри что-то отозвалось — глубоко, под рёбрами, там, где не бывает мыслей. Он знал этот голос. Знал его всю жизнь. Хотя никогда прежде не слышал.

— Папа...

Голос раздался совсем рядом. И тогда между стеллажами появился силуэт маленькой девочки. Она светилась сама — слабо, ровно, как экран в тёмной комнате. Шесть лет. Светлое платье. Тёмные волосы, собранные лентой. Она держала в руке маленькую красную игрушку — не то машинку, не то птицу. Мира смотрела на неё, не в силах шевельнуться.

— Это не может быть...

Девочка улыбнулась. Но смотрела она не на Миру. Она смотрела на Алексея.

— Ты опять опоздал.

Алексей сделал шаг назад.

— Кто ты?

Девочка чуть наклонила голову набок — жестом, который он где-то видел. Совсем недавно.

— Ты забыл.

— Что забыл?

— Мы уже встречались.

— Когда?

Она подняла руку и показала на дверь в конце архива. На

ту, которой ещё несколько секунд назад там не было. Металлическая. Без ручки. С чёрной трещиной посередине. Сердце ударило в груди так, что стало больно. Девочка улыбнулась шире.

— Там.

Дверь начала открываться — медленно, беззвучно. Из-за неё хлынул яркий белый свет, залив проходы между стеллажами. Мира вцепилась в руку Алексея.

— Не смотри!

Но было уже поздно. Потому что за дверью Алексей увидел комнату. Свою детскую. Те же обои в корабликах, тот же продавленный угол кровати. Только в ней не было семилетнего мальчика. Там стоял взрослый Алексей. Он смотрел прямо на них — спокойно, будто ждал. И держал за руку женщину. Его мать. Молодую. Живую. Она плакала, беззвучно, прижимая свободную руку ко рту. А взрослый Алексей произнёс, не оборачиваясь к ней:

— Мама, у нас осталось меньше часа.

Алексей сделал шаг к двери, к свету.

— Что происходит?

Взрослый Алексей перевёл на него взгляд. И впервые Алексей увидел в этих глазах не страх. Не удивление. А жалость. Тяжёлую, спокойную, окончательную.

— Теперь ты понимаешь, почему мы не можем позволить тебе вспомнить.

Дверь захлопнулась. Свет исчез, и темнота стала вдвое

плотнее. Девочки больше не было. Только на полу, где она стояла, осталась крохотная вмятина в пыли. Мира всё ещё держала Алексея за руку. Но её пальцы дрожали.

— Кто это был? — спросил он.

Мира посмотрела на пустое место между стеллажами.

— Не знаю.

— Ты её видела.

— Да.

— Тогда кто она?

Мира ответила тихо:

— Девочка, которой в этой реальности никогда не существовало.

За их спинами что-то глухо ударило — далеко, но уже внутри здания. Мужчина вскинул оружие.

— Нам пора.

Алексей не двигался.

— Нет.

— Алексей.

Он повернулся к Мире.

— Я хочу знать правду. Всю.

Она смотрела на него несколько долгих секунд. Потом сказала:

— Тогда нам придётся вернуться туда, где всё началось.

— В две тысячи четвёртый?

Мира покачала головой.

— Нет.

Она посмотрела на то место, где только что была металлическая дверь.

— Раньше.

— Насколько раньше?

Мира ответила:

— До того, как появились наши миры.

И где-то в глубине архива, в темноте, ожил старый механизм — заскрежетал, набирая обороты, застучал реле. На стене вспыхнули цифры.

17.08.2004

Потом они погасли. Появились новые:

17.08.1997

А затем:

17.08.1976

Алексей смотрел на последнюю дату. И впервые за всё это время почувствовал настоящий страх — не панику, не оторопь, а холодное понимание. Потому что это был год, в котором родился он. Но на экране рядом с датой появилась ещё одна надпись: ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОД ЕЩЁ НЕ СОСТОЯЛСЯ.

Ниже вспыхнуло имя:

КОНСТАНТИН ВОРОНЦОВ.

Алексей медленно произнёс:

— Это мой отец?

Мира посмотрела на него.

— Нет.

Пауза, длинная, как обморок.

— Это ты.

Глава 7. Мир, который опоздал на сорок лет

На экране светилось имя.

КОНСТАНТИН ВОРОНЦОВ.

Алексей смотрел на него несколько секунд, чувствуя, как буквы отпечатываются на сетчатке. Потом перевёл взгляд на Миру.

— Это моё имя.

— Да.

— Полностью.

— Да.

— Но меня зовут Алексей.

Мира молчала.

— Тогда кто такой Константин Воронцов?

Мужчина в тёмном костюме медленно, осторожно подошёл к терминалу.

— Не подходи ближе.

— Почему?

— Потому что система не показывает имя.

Он указал сухим пальцем на экран.

— Она показывает владельца временной линии.

Алексей нахмурился.

— Что это значит?

Мужчина нажал несколько клавиш — старых, механических, отзывающихся сухим щелчком. Цифры на экране перестроились.

1976.

1997.

2004.

2026.

2066.

Все даты выстроились в одну вертикальную линию, светясь ровным янтарным светом. А затем между ними появилась тонкая чёрная полоса — не нарисованная. Именно чёрная, как та трещина на двери. Мужчина сказал:

— Время не идёт одинаково во всех реальностях.

— Это я уже понял.

— Нет. Ты понял только верхний слой.

Он коснулся цифры 1976.

— В одной линии человек рождается здесь.

Палец сместился к 1997.

— В другой — через двадцать один год.

Затем к 2004.

— В третьей — ещё позже.

Алексей смотрел на цифры, и от них рябило в глазах.

— А если линии пересекаются?

— Тогда один человек может существовать в нескольких временах одновременно.

— Я?

Мужчина медленно повернул к нему голову.

— Ты.

В этот момент система издала короткий сигнал — резкий, неприятный, как медицинский монитор. На экране появилось:

ОБЪЕКТ 17 ПОДТВЕРЖДЁН.

А ниже:

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: 86%.

Мира стремительно подошла к терминалу.

— Что это?

— Он начинает распадаться.

Алексей усмехнулся — коротко, сухо.

— Очень обнадёживает.

Мира посмотрела на мужчину, и голос её стал жёстким.

— Сколько?

— Если показатель продолжит расти — несколько часов.

Алексей перестал улыбаться.

— Что значит «распадаться»?

Никто не ответил. Оба смотрели на экран.

— Я задал вопрос.

Мира подошла к нему близко, положила руку на предплечье.

— Это не значит, что ты исчезнешь.

— А что тогда?

— Часть твоих воспоминаний начнёт принадлежать другим версиям тебя.

По коже прошёл холод.

— Я буду помнить то, чего не происходило?

— Для тебя — не происходило.

— А для них?

— Происходило.

Он опустил взгляд на свои руки. И на секунду они показались ему чужими — другой формы, с другими костяшками, с чужой белой полоской на безымянном пальце, будто там долго носили кольцо. Он моргнул. Снова свои.

— Это уже происходит.

Мира кивнула.

— Да.

Архив начал трястись. Сначала едва заметно — задребезжали металлические полки, зашуршали папки. Потом сильнее. С потолка посыпалась пыль, и в красноватом свете аварийных ламп она повисла густой пеленой. Где-то наверху глухо ударил взрыв, и по стеллажам прошла волна. Мужчина резко вскинул голову.

— Они вошли в здание.

— Кто?

— Континуум.

Мира выхватила оружие и проверила магазин. Алексей посмотрел на неё.

— Почему ты так боишься этой организации?

— Потому что я когда-то работала на них.

Он замер.

— Что?

— Недолго.

— Ты не говорила.

— Ты не спрашивал.

— После всего этого ты ещё можешь так говорить?

Мира посмотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

— Я была одной из тех, кто должен был остановить первые переходы.

— И что случилось?

Она отвернулась к стеллажам.

— Я нашла тебя.

Алексей молчал, слушая, как трясётся потолок.

— В две тысячи четвёртом?

— Да.

— Ребёнком.

— Да.

— И что ты сделала?

Мира ответила не сразу.

— Я открыла дверь.

Внутри у него всё сжалось в тугой узел.

— Ты?

— Да.

— Тогда почему потом стёрли память тебе?

— Потому что я увидела то, чего не должна была видеть.

— Что?

Мира посмотрела на него.

— Тебя.

Алексей не понял.

— Я был ребёнком.

— Нет.

Она покачала головой.

— Ты был ребёнком только для своей реальности.

Он молчал. Мира подошла ближе; в её глазах отражались красные лампы.

— Когда я увидела тебя впервые, тебе было семь лет.

— И?

— Ты сказал мне, что тебе двадцать девять.

Алексей замер.

— Это невозможно.

— Именно поэтому тебе стёрли память.

И тогда в голове у него что-то щёлкнуло — тихо, отчётливо, как выключатель. Он увидел комнату. Белые стены без углов. Стол, слишком низкий для взрослого. Настольная лампа, направленная в лицо. Маленькая Мира сидит напротив, поджав ноги под себя. Он — взрослый. Ему двадцать девять, он знает это точно, он помнит свою квартиру, свою работу, свою усталость. Но тело маленькое. Ладони — детские, коротенькие, с грязью под ногтями. Как будто память существует отдельно от возраста. Девочка спрашивает, серьёзно, шёпотом:

— Ты вернёшься?

Он отвечает:

— Когда ты станешь старше.

— А когда это будет?

— Скоро.

Картинка исчезла, оставив звон в ушах. Алексей качнулся, потеряв равновесие. Мира подхватила его под локоть.

— Что ты увидел?

— Себя.

— Каким?

— Ребёнком. Но я был... я был собой.

Она закрыла глаза на секунду.

— Значит, процесс ускорился.

— Я ничего не понимаю.

— Ты вспоминаешь себя из другой ветви.

В дверь архива ударили — тяжело, чем-то металлическим. Раздался голос, усиленный и безэмоциональный:

— Откройте.

Мужчина в костюме проверил оружие.

— Сколько их?

— Не знаю.

— Тогда уходим.

Но Мира не двигалась. Она смотрела на экран. Там появился новый текст:

ПЕРЕХОД ДОСТУПЕН.

И ниже:

R-0 → R-8

А ещё ниже, отсчитывая назад:

ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА: 00:42

Алексей повернулся к ней.

— Что такое R-8?

— Мир, куда мы должны попасть.

— Зачем?

— Потому что там находится человек, который может вернуть тебе память.

— Кто?

Она ответила, глядя на цифры:

— Твоя мать.

Алексей застыл.

— Она жива?

— В этой реальности — да.

— А в моей?

Мира медленно повернула к нему голову.

— Ты уверен, что знаешь?

Этот вопрос ударил сильнее всего остального — сильнее двойника, сильнее девочки, сильнее чёрной трещины. Алексей хотел ответить. Открыл рот. И не смог. Он всю жизнь считал, что мать погибла несколько лет назад. Но он никогда не видел её смерти. Никогда не держал в руках документов. Никогда не был на месте, где это произошло, — ему сказали, что там нечего смотреть. Он всегда доверял чужим словам. Просто потому, что не было причин не доверять. И впервые эта уверенность, простоявшая годы, пошла трещинами.

— Она здесь?

— В R-восемь.

— Почему?

— Потому что именно она знает, как всё началось.

Дверь снова содрогнулась. Один из петельных болтов вылетел и зазвенел по бетону. Мужчина крикнул от входа:

— У нас тридцать секунд!

Мира протянула Алексею руку.

— Пойдём.

Он посмотрел на её пальцы, потом на неё.

— А ты?

— Что?

— Ты помнишь тот мир?

Мира на секунду улыбнулась — устало и совсем по-человечески.

— Лучше, чем хотелось бы.

— Мы действительно были вместе?

— Да.

— Девятнадцать дней?

— Для тебя девятнадцать.

Алексей почувствовал, как сердце сорвалось с ритма.

— А для тебя?

Мира посмотрела на него.

— Девять лет.

Он не успел ответить. В коридоре прозвучали выстрелы — сухие, короткие, слишком близко. Мужчина бросил на пол небольшой цилиндр. Пространство вокруг него начало

искажаться, будто воздух стал жидким. Стеллажи поплыли, вытягиваясь. Пол стал прозрачным, и под ним не было ничего. Воздух задрожал, и завоняло озоном — резко, до боли в носу. И Алексей снова увидел белое пространство. Но на этот раз в нём была дверь. Металлическая, без ручки. На двери стояла цифра:

8.

Мира вцепилась в его руку.

— Не отпускай.

— Не собирался.

Они шагнули внутрь.

Алексей упал на мокрый асфальт, разбив ладони. Над ним шёл дождь. Обычный. Холодный, августовский. Он сел, отплёвываясь. Мира лежала рядом, на боку, тяжело дыша. Мужчина исчез — его просто не было. Вокруг был город. Но не Москва. Или Москва, которую он никогда не знал. небоскрёбы стояли там, где Алексей привык видеть приземистые сталинские дома, — стеклянные, ребристые, уходящие в дождевую мглу. На перекрёстках не было светофоров, и это было первое, что он заметил.

По дорогам скользили бесшумные автомобили без окон в привычных местах. Над улицами тянулись прозрачные пешеходные мосты, и по ним шли люди с зонтами. Пахло мокрым камнем и чем-то сладким, незнакомым. Но главное было другое. На огромном экране на здании напротив светилась дата:

17 АВГУСТА 2066 ГОДА.

Алексей поднялся, придерживая ободранную ладонь.

— Мы снова здесь.

Мира огляделась — быстро, профессионально, считывая улицу как карту.

— Нет.

— Что?

— Это не тот мир.

Он показал на экран.

— Но дата та же.

— Дата совпадает.

Она обвела взглядом дома.

— Реальность другая.

Алексей обернулся. И увидел. Над горизонтом возвышалась башня. Огромная. Чёрная. Светящаяся изнутри — тускло, ровно, как раскалённый металл под слоем сажи. На её вершине горел тот же знак из трёх пересекающихся линий. Мира побледнела так, что стало видно в дождевом полумраке.

— Что? — спросил Алексей.

— Здесь её не должно быть.

— Что это за башня?

— Институт.

— Какой?

— Тот, который построили после твоего исчезновения.

Алексей посмотрел на неё.

— Но я не исчезал.

Мира ничего не сказала.

— Для кого не исчезал?

— Для этого мира.

Они вошли в небольшое кафе на углу — просто чтобы уйти с улицы, чтобы перестать быть двумя мокрыми людьми под открытым небом. Внутри оно почти ничем не отличалось от обычных московских кофеен. Тесно поставленные столы. Люди с ноутбуками — вернее, с чем-то похожим на ноутбуки. Тихая музыка. Бариста с полотенцем на плече. Только вместо бумажного меню в воздухе над стойкой висели полупрозрачные изображения, чуть подрагивающие от движения воздуха. Алексей посмотрел на них.

— Кофе?

— Да, — сказал бариста.

— Настоящий?

Бариста усмехнулся — тепло, совершенно узнаваемо.

— Конечно.

Алексей заказал, ткнув пальцем в первое изображение. Через несколько секунд перед ним появилась чашка — обычная, толстостенная, с горячими стенками. Он сделал глоток. Обычный кофе. Чуть перекисший, как в любой спешащей кофейне. И почему-то именно это его успокоило сильнее всего за последние сутки.

— Видишь? — сказал он Мире, ставя чашку. — Всё ещё кофе.

Она улыбнулась.

— Иногда именно это и спасает.

Они сели у окна. На улице шёл дождь, стекая по стеклу неровными дорожками. Алексей смотрел на прохожих — они спешили, кутались, ругались с зонтами.

— Люди здесь не знают, что существуют другие миры?

— Некоторые знают.

— А остальные?

— Думают, что знают всё.

— Как у нас.

— Именно.

Он повернулся к ней.

— Почему этот мир опережает наш на сорок лет?

Она задумалась, обхватив чашку ладонями.

— Потому что у них не было одной войны.

— Какой?

— Той, которая у нас изменила направление развития технологий.

— А если её не было?

— Тогда человечество пошло другим путём. Деньги, люди, время — всё ушло не туда, куда у нас.

Алексей задумался, глядя на бесшумную машину за окном.

— Значит, достаточно одного события?

— Иногда.

— И получается совсем другой мир.

Мира кивнула.

— Да.

Он снова посмотрел на улицу.

— Странно.

— Что странно?

— Я всегда думал, что параллельные миры должны быть совершенно невозможными. Другое небо, другие законы, другие люди.

— А оказывается?

— Они выглядят слишком знакомыми.

Мира горько улыбнулась.

— Это самое страшное.

Дверь кафе открылась, впустив шум дождя. Вошёл мужчина. Алексей узнал его мгновенно, всем телом. Он был на фотографии. Тот самый взрослый человек. Его двойник. Но теперь он выглядел моложе. Лет сорок, не больше. Ни седины, ни того выстывшего взгляда. Он снял мокрое пальто, встряхнул его и обвёл зал глазами. Потом увидел Алексея. Замер. Алексей тоже. Мужчина подошёл к столику. Мира встала, загородив проход.

— Не надо.

Он поднял руки — открытые ладони, никакого оружия.

— Я не собираюсь вас трогать.

Алексей смотрел на него снизу вверх.

— Кто ты?

Мужчина отодвинул стул и сел.

— Алексей Воронцов.

— Нет.

— Это моё имя.

— Тогда кто я?

Мужчина посмотрел на него — и в глазах у него мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Вот это хороший вопрос.

Он достал маленькое устройство, плоское, как галька, и положил на стол. Над столешницей развернулась голограмма. Схема. Две линии. Они шли параллельно, ровно и спокойно. Потом пересекались, и в точке пересечения свет становился густым и мутным.

— В нашем мире ты появился двадцать девять лет назад.

Он указал на одну линию.

— В твоём — тоже.

Потом вывел третью линию, ниже и левее.

— Но в этом мире ты родился на сорок лет раньше.

Алексей нахмурился, глядя на новую линию.

— Что?

— Здесь ты родился в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом.

Мира резко повернулась к мужчине.

— Нет.

Мужчина кивнул, не глядя на неё.

— Да.

Алексей смотрел на собственное лицо, отражённое в тём-

ной поверхности стола.

— Тогда сколько мне?

— Сто девять.

Алексей рассмеялся — громко, неуместно; кто-то за соседним столиком обернулся.

— Очень смешно.

Мужчина не улыбнулся.

— Я видел тебя сто девять лет назад.

Тишина. Только шум дождя и шипение молока за стойкой. Мужчина повёл пальцем, и голограмма сменилась. На ней появился старый чёрно-белый снимок — с зерном, с царапинами, с оборванным краем. Толпа людей на площади. Здание вокзала с часами. И среди них — мальчик. Алексей. То же лицо. Те же глаза. И тот же тонкий тёмный след на щеке. Дата под снимком: 17 августа 1964 года. Алексей медленно отодвинулся вместе со стулом.

— Это невозможно.

Мужчина посмотрел ему прямо в глаза.

— Именно поэтому мы столько лет пытались понять, кто ты.

Мира взяла Алексея за руку — крепко, до боли.

— Не слушай его.

— Почему?

— Потому что он пытается тебя запутать.

Мужчина усмехнулся, откинувшись на спинку.

— Она говорит то же самое во всех реальностях.

Алексей поднял на него взгляд.

— Во всех?

— Да.

— Сколько их?

— Тех, где ты существуешь?

Мужчина помолчал секунду.

— Семнадцать.

Внутри у Алексея всё сжалось.

— А Мира?

Мужчина перевёл на неё взгляд.

— В двадцати трёх.

Мира побледнела.

— Не говори ему.

— Почему? — спросил Алексей.

Мужчина ответил ровно:

— Потому что она не должна существовать ни в одном.

И в этот момент кафе погасло. Люди замолчали — все, одновременно, на середине фраз. За окном остановились машины. Все экраны потухли, все висящие в воздухе меню опали и исчезли. Три секунды тишины. Одна. Две. Три. А затем над городом раздался сигнал — низкий, огромный, идущий сразу отовсюду. Один. Два. Три. На всех зданиях одновременно вспыхнуло сообщение, залив улицу холодным белым светом: ОБНАРУЖЕНО НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ СОПРЯЖЕНИЕ. Ниже:

ОБЪЕКТ: АЛЕКСЕЙ ВОРОНЦОВ.

И ещё одна строка: ПРИКАЗ: НЕ ДОПУСТИТЬ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ. Мира встала, опрокинув чашку.

— Нам нужно уходить.

Алексей посмотрел на неё.

— Куда?

Она смотрела в окно. В небе, прямо над чёрной башней, появилась первая чёрная линия. Тонкая. Почти незаметная на фоне грозových облаков. Но она быстро росла, раздвигая небо в стороны. Мира тихо сказала:

— В мир, который опоздал на сорок лет.

— А это какой?

Она перевела на него взгляд.

— Наш.

И в этот момент Алексей понял самое страшное. Все эти годы он считал себя человеком одного мира. Но, возможно, у него никогда не было только одного мира.

Глава 8. Мира

Чёрная линия в небе продолжала расти. Она была тонкой, как царапина на стекле, но с каждой секундой становилась шире — и края её шевелились, будто дышали. Люди на улице ещё не понимали, что происходит. Кто-то остановился, откинув капюшон. Кто-то поднял телефон, выискивая лучший кадр. Кто-то продолжил идти, не поднимая головы. Слишком привычно. Слишком спокойно. Так люди ведут себя за минуту до того, как начинают бежать. Алексей смотрел на небо, и дождь заливал ему лицо.

— Что это?

Мира схватила его за руку.

— Мы должны уйти.

— Ты постоянно это говоришь.

— Потому что ты постоянно остаёшься.

— В этот раз я хочу понять.

Она посмотрела на него — и что-то в ней сдалось.

— Тогда слушай.

В её голосе впервые не было раздражения. Только страх, чистый и honest, без примеси профессионального спокойствия.

— Это не просто трещина.

— А что?

— Это разрыв.

— В чём разница?

— Трещина соединяет два мира. Через неё можно пройти, и она затягивается.

Мира подняла глаза к небу.

— Разрыв стирает границу между ними.

Алексей снова посмотрел вверх. Через чёрную линию уже было видно другое. Не небо. Другой город. Дома — низкие, кирпичные, с балконами. Огни в окнах. Мост через реку. А потом... Он увидел знакомую улицу. Свою улицу. Ту, на которой прожил девять лет. Тот же перекрёсток, тот же ларёк на углу, тот же криво припаркованный фургон.

— Это Москва.

Мира побледнела.

— Да.

— Она там. Прямо там, в небе.

— Поэтому нам нельзя здесь оставаться.

Мужчина из другой реальности медленно поднялся от столика.

— Уже поздно.

В кафе загорелся аварийный свет — тусклый, оранжевый. И все люди одновременно повернули головы к окнам. И Алексей впервые увидел страх на лицах жителей этого мира. Настоящий. Не любопытство. Не удивление. Страх — тот, который делает лица одинаковыми. Потому что они, в отличие от прохожих в его Москве, понимали, что происходит. Женщина у стойки прошептала:

— R-ноль.

Мужчина за соседним столом ответил, не веря:

— Невозможно.

Кто-то у выхода сказал совсем тихо:

— Она открылась.

Алексей повернулся к Мире.

— Что открылось?

Она не ответила. Мужчина сказал за неё:

— Первая линия.

Они выбежали из кафе под дождь. Улица уже изменилась.

Воздух стал плотнее — его приходилось не вдыхать, а проталкивать в себя. Звуки стали странными: с задержкой, с эхом, будто город озвучивали заново и не успевали синхронизировать. Машины двигались рывками, как в старой кинохронике. А некоторые люди исчезали на доли секунды. И появлялись снова. Алексей увидел мужчину под навесом, который на мгновение стал стариком — согнутым, седым, с тростью. Потом снова молодым.

Женщина возле перехода на секунду оказалась другой женщиной — в другом пальто, с другими волосами, с тем же лицом. Один и тот же человек существовал в нескольких вариантах одновременно, мерцая между ними.

— Что с ними происходит?

— Реальности накладываются друг на друга, — ответила Мира, не сбавляя шага.

— Их нельзя остановить?

— Можно.

— Как?

Она бросила на него короткий взгляд.

— Закрыв источник.

— И где он?

Мира молчала. Дождь стучал по её плечам. Алексей понял сам.

— Во мне?

Она ничего не ответила.

— Мира.

— Не полностью.

— Что это значит?

— Источник не в человеке.

Пауза, ровно на один шаг.

— Но ты к нему привязан.

Они свернули в переулок, узкий и захламлённый совершенно так же, как захламлины переулки во всех мирах. Позади раздался грохот — низкий, тянущий. Алексей обернулся. Часть здания напротив словно сместилась в сторону, целиком, как декорация на рельсах. На его месте на секунду появилась другая улица — солнечная, летняя, без дождя. Затем всё вернулось. Но вывеска магазина изменилась. Было:

АПТЕКА.

Стало:

ПАМЯТЬ.

Алексей остановился как вкопанный.

— Это место...

— Что?

— Я его знаю.

Мира посмотрела на вывеску, потом на него.

— Откуда?

— Из детства.

Он сам не понимал, почему это пришло ему в голову. Не вспомнил — просто знал, как знаешь собственное имя. Он видел эту вывеску, когда был маленьким. Синие буквы, лампа над входом, скрипучая ступенька. Хотя в его реальности здесь всегда была аптека. Всегда, все годы. Он подошёл к витрине. За толстым стеклом на бархатной подложке стояли прозрачные капсулы, подсвеченные снизу. На каждой — короткая надпись: Воспоминание. Сон. Чувство. Опыт. Алексей коснулся стекла кончиками пальцев. И увидел мать.

Она стояла на кухне. Молодая — моложе, чем он когда-либо её помнил. Смеялась, откинув голову, вытирая руки о фартук. На столе лежали яблоки, три или четыре, одно надкусанное. За окном шёл снег, крупный, медленный. Алексей был маленьким. Он видел стол снизу, край столешницы был на уровне глаз. Лет пяти.

— Мам...

Она обернулась, всё ещё улыбаясь.

— Что?

— Я сегодня видел девочку.

Женщина замерла. Улыбка осталась на лице, но глаза из-

менились.

— Какую девочку?

— Она живёт за дверью.

Мать побледнела так, что стали видны веснушки на переносице.

— За какой дверью?

Мальчик указал пальцем в коридор.

— Там.

Женщина медленно, очень медленно повернула голову. И увидела металлическую дверь. Алексей резко отдернул руку от стекла. Видение исчезло, оставив во рту вкус железа. Он тяжело дышал, упираясь ладонями в витрину. Мира подошла ближе.

— Что ты увидел?

— Маму.

— Когда?

— Когда был ребёнком. Мне было пять.

— Что она сказала?

Алексей повернулся к ней.

— Она знала о двери. Она её видела.

Мира закрыла глаза.

— Я так и думала.

— Что?

— Что твоя мать не просто была свидетелем.

— Тогда кто она?

Мира ничего не сказала. Алексей схватил её за плечо —

сильнее, чем хотел.

— Ответь.

— Алексей...

— Кто моя мать?

Мира посмотрела ему в глаза, не пытаясь высвободиться.

— Она была первой.

— Первой — кем?

— Человеком, который слышал другой мир.

Они добрались до старого здания института — не той чёрной башни, а низкого корпуса за ней, забытого и заросшего. Снаружи оно выглядело пустым: тёмные окна, ржавая табличка, трава в трещинах бетона. Внутри было иначе. Свет включился автоматически, стоило им шагнуть за порог, — ровный, белый, без единой тени. Стены были покрыты экранами от пола до потолка. На каждом — изображения городов. Разных людей. Разных времён. Алексей остановился посреди зала, медленно поворачиваясь.

— Это всё реальные места?

— Да.

— И всё это существует сейчас?

— Не совсем.

— Опять не понимаю.

Мира подошла к одному из экранов и коснулась его. На нём была Москва. Современная, знакомая до последнего фонаря. Потом изображение сменилось. Москва стала другой — шире, ниже, с трамваями на месте проспектов. Через

секунду ещё другой. На следующем экране — Москва без Кремля. Просто пустая площадь, вымощенная белым камнем. Ещё на одном — Москва у океана: волны накатывали на набережную там, где должно быть Замоскворечье.

Ещё на одном — Москва, накрытая лесом. Деревья про-
растали сквозь крыши, и это выглядело не разрушением, а замыслом. А на последнем... Москвы не было вовсе. Только пустая равнина под низким серым небом. Ни дороги. Ни следа. Ни камня. Алексей смотрел на экраны, и от их мерцания начинало мутить.

— Сколько всего вариантов?

— Больше, чем мы можем посчитать.

— И все они реальны?

— В какой-то момент — да.

— Тогда что делает мир настоящим?

Мира повернулась к нему.

— Мы.

Алексей усмехнулся.

— Это звучит слишком просто.

— Я не сказала, что это правда.

Они прошли глубже, коридором, где экраны сменились глухими белыми панелями. В конце находилась большая круглая дверь — как в банковском хранилище, только без замков. На ней был выбит знак: три пересекающиеся линии. Мира остановилась перед ней.

— Здесь.

Алексей посмотрел на неё.

— Что здесь?

— Здесь всё началось.

— Когда?

— Десять лет назад.

— Для тебя?

— Нет.

Она положила ладонь на металл.

— Для нас.

Дверь открылась — беззвучно, отойдя внутрь. За ней находилась лаборатория. Пустая. Ни оборудования, ни мебели, ни кабелей — только чистый пол и белые стены. Но в центре стояла стеклянная камера, высотой в человеческий рост. Внутри камеры ничего не было. Только воздух. Алексей подошёл ближе, и шаги гулко отозвались под потолком. На стекле сама собой проступила надпись:

СУБЪЕКТ: М-01.

Мира застыла в двух шагах от неё.

— Что это значит?

— Ты.

Она покачала головой.

— Нет.

Экран на стене рядом включился. На нём появился документ — сухой, канцелярский.

МИРА ЛАНСКАЯ.

Дата рождения: 14.09.1999. Статус: не существует. Алек-

сей посмотрел на неё.

— Тебе двадцать семь.

— Да.

— Значит, дата рождения правильная.

— Возможно.

Ниже вспыхнула новая строка: Первичное появление: 17.08.2004. А потом, через паузу: Предыдущих биологических записей не обнаружено. Мира стояла неподвижно, глядя на экран.

— Что это значит?

Алексей спросил почти шёпотом. Она ответила медленно, будто проверяя каждое слово на прочность:

— Что у меня нет детства.

— Но фотография...

— На фотографии я есть.

— Ты сама сказала, что тебе там шесть лет.

— Я это помню.

— Тогда почему...

— Потому что память не означает прошлое.

Алексей повернулся к ней всем телом.

— Что ты хочешь сказать?

И тут Мира впервые испугалась по-настоящему — не за него, не за ситуацию. За себя.

— Я не знаю, кто я была до семнадцатого августа две тысячи четвёртого года.

— Но ты была ребёнком.

— Возможно.

— Ты говоришь так, будто...

Она посмотрела на стеклянную камеру.

— Будто я появилась здесь.

Алексей почувствовал холод.

— Из камеры?

— Нет.

Мира подошла к стеклу ближе. На внутренней поверхности возникла рябь — как по стоячей воде. И вдруг в пустоте проступил силуэт. Маленькая девочка. Та самая. Шесть лет. Светлое платье. Тёмные волосы, собранные лентой. Мира смотрела на неё, не дыша. Девочка смотрела в ответ.

— Это ты, — прошептал Алексей.

Мира покачала головой.

— Нет.

Девочка улыбнулась.

— Я — это ты.

Мира отшатнулась на полшага.

— Кто ты?

Девочка положила ладонь на стекло изнутри.

— Та, которой ты была до того, как стала собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.